

**18+ На Алтай за
камер-юнкером
Чихачевым**

Вадим Климов

Вадим Климов

**На Алтай за камер-
юнкером Чихачевым**

«Издательские решения»

Климов В.

На Алтай за камер-юнкером Чихачевым / В. Климов —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В этой книге я предпринимаю путешествие
во времени, следуя по маршруту знаменитого русского географа Петра
Чихачева через Алтай 1842 года.

© Климов В.

© Издательские решения

Содержание

О книге	6
Начнем	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	29
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

На Алтай за камер-юнкером Чихачевым

Вадим Климов

© Вадим Климов, 2026

ISBN 978-5-0071-1612-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

В 1842 году русский географ и путешественник Пётр Александрович Чихачев прошёл по тропам Восточного Алтая, описал флору, фауну и быт народов. Его труд «Путешествие в Восточный Алтай» стал классикой географической литературы, однако долгие годы оставался достоянием узкого круга специалистов. Обилие геологических терминов и устаревшие названия делали его труднодоступным для широкого читателя. И тут на сцену выходит Вадим Климов со своим смелым проектом «На Алтай за камер-юнкером Чихачевым».

Идея автора проста: взять дневники путешественника позапрошлого века и превратить их в живое, увлекательное чтение для современного туриста. Климов не пересказывает Чихачева — он идёт по его маршруту, сверяет карты, ищет на местности те самые перевалы, о которых писал учёный. Он делает то, что редко кому удаётся: соединяет науку и приключение, историю и современность.

Главное достоинство книги Климова — это уникальная возможность увидеть Алтай глазами двух людей одновременно. Мы читаем Чихачева, который в 1842 году с удивлением смотрит на куропаток, мерзнет в июне и переправляется через Катунь на лодке. И тут же рядом — комментарий Климова, который сравнивает эти описания с тем, что он видит почти 200 лет спустя. Этот диалог эпох завораживает.

Автор выполняет важнейшую миссию популяризатора. Он «переводит» язык научного отчёта на язык путешественника-блогера, не теряя при этом глубины и уважения к источнику. Он честно признаётся, где запутался в маршруте, а где нашёл на картах неточности. Эта искренность подкупает. Климов показывает, что путешествие Чихачева — это не музейный экспонат, а живая история.

Книга становится мостом между XIX и XXI веками. Автор делает доступным то, что казалось забытым в архивах. Он не просто рассказывает об Алтае — он влюбляет в него, показывая, что этот край способен удивлять, пугать и восхищать так же сильно, как и в день, когда камер-юнкер Чихачев ступил на его землю.

И. А. Соловьев.

Начнем

Читатель, весной 2026 года в Барнауле вышла книга «Василий Сапожников. Пути по русскому Алтаю». Сапожников родился в 1861 году. Его научная деятельность была тесно связана с Алтаем, куда он организовал четыре экспедиции. Он поднялся на седло высочайшей вершины Алтая — горы Белухи и первым достаточно точно определил её высоту.

Редактором-составителем и автором книги стал Сергей Мансков. Я прочитал её и открыл книгу другого известного путешественника Петра Александровича Чихачева, совершившего путешествие по Алтаю за 50 лет до Сапожникова.

Книга Чихачева правильно называется «*Voyage scientifique dans l'Altaï Oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine*» (Научное путешествие в Восточный Алтай и пограничные районы Китая), но в СССР она вышла в 1974 году под названием «Путешествие в Восточный Алтай».

Когда много лет назад я читал этот грандиозный труд, то отнесся к нему поверхностно. Перечитывая, летом 2026 года чуть ли не на каждой странице говорил себе: «Да ладно, вот это да!»

Хорошо бы пройти этим путем в реальности, но предлагаю совершить книжное путешествие.

В работе Чихачева много места занимают геологические изыскания, с описанием пород, с использованием терминов, которые интересны специалистам. Я пропущу эти моменты, потому что для современного путешественника, то есть туриста, это не важно, если речь не идет о золоте и драгоценных камнях. Я постараюсь вкратце указать на то, что упускают туристы, читая эту книгу; можно сказать блог или дневник путешественника 184-летней давности.

Погнали!

Глава 1

Отъезд из Петербурга. Путешествие по замерзшей Волге. Река зимой. Чуваши. Окрестности Малмыжа. Холод в Вятской губернии. Черемисы, мордва, вотяки и казанские татары. Кунгур. Перегон Биссерская. Въезд в Азиатскую Россию. Сосланные колонисты (поселенцы). Их благосостояние и изобретательность. Происхождение сосланных в Сибирь. Моральное и политическое значение этого класса людей. Число сосланных в настоящее время. Постепенное возрастание их количества. Общие данные о наказании путем ссылки и постановления, существующие по этому вопросу. Изобилие лесов и кормовых трав. — Метеорологические наблюдения в Барнауле.

Отъезд из Петербурга — это и в наше время не простое приключение. Первого апреля 2026 года я два раза возвращался в аэропорт Пулково, чтобы улететь в Барнаул. Мне три раза переносили рейс. А когда через 12 часов открыли аэропорт и взлетел первый самолет, все пассажиры одновременно выдохнули. Ох!

Представьте, как несколько тысяч пассажиров, увидев взлетающий лайнер, облегченно вздохнули.

Чихачев же пишет, начиная путешествие:

«Удостоенный императорским правительством высокой чести произвести интересное научное обследование районов Восточного Алтая, я хотел как можно скорее попасть на место моей командировки, чтобы застать там пробуждение природы и не пропустить ни минуты кратковременной весны этого северного края. Поэтому я поспешил использовать преимущество последних дней санного пути и выехал из Петербурга 1/13 марта 1842 года».

В книге, изданной в 1974 году, все даты даются в двух вариантах — старом и новом летоисчислении. Для тех, кто забыл: 24 января 1918 г. Ленин подписал декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». К тому моменту Россия жила по юлианскому календарю, а вся Европа — по григорианскому. Разрыв достиг 13 суток.

Я не понимаю, зачем писать две даты. Например, я родился 3 сентября. Представьте, что произошла реформа и даты сдвинулись на две недели; я же не стану писать в документах, что родился 16 сентября. Для меня так и осталось 3 сентября — «день, когда горят костры рябин». Поэтому все даты в моей книге «по следам Чихачева» будут в современных числах.

Петр Чихачев выехал из столицы 13 марта. Хочется остановиться на рассуждении Чихачева о ссыльных, но пропущу этот эпизод. Если вас интересует эта тема, читайте всю книгу. Я выложу ее в открытый доступ, в удобном для чтения формате.

Наконец, Чихачев в Сибири.

«По мере продвижения по Тобольской губернии хвойные деревья постепенно сменяются рощами огромных белых берез. Их серебристые ветви, гнущиеся под тяжестью снега, служат приютом для куропаток и тетеревов. Множество этих птиц невозмутимым спокойствием сидели на ветках деревьев, выбранных ими без особого разбора — будь то в глубине леса или по сторонам почтовой дороги, не смущаясь даже звоном колокольчика. Целые стаи куропаток, белых как снег, которого они едва касались своими лапками, долго резвились у самых саней, прежде чем устремиться вверх.

Эта превосходная дичь очень мало ценится в Сибири. В деревнях пара белых куропаток стоит всего 6 сантимов, а в Барнауле обычная цена за пару тетеревов — 50 сантимов. Обыкновенная же куропатка, за которую в Париже платят от 3 до 4 франков (за штуку), здесь всюду предлагается за 20 сантимов».

Впервые книга Чихачева была издана в Париже в 1845 году, поэтому автор приводит цены на французский манер.

Сравнить деньги 1845 года с настоящими ценами — задача непростая. Не существует единой формулы для пересчета, так как мир кардинально изменился. Однако, изучив исторические данные, можно получить довольно точное представление о покупательной способности франка той эпохи.

В 1845 году, в эпоху Июльской монархии в обращении находился «франк Жерминаль» — серебряная монета весом 5 граммов.

1 франк 1845 года обладал бы покупательной способностью, примерно эквивалентной 3 современным евро (в ценах 2025—2026 года).

Чтобы понять, что на самом деле означал франк, лучше посмотреть на то, что на него можно было купить. Буханка хлеба весом около 1,5 кг стоила примерно 20—25 сантимов. Таким образом, на 1 франк можно было купить 4—5 больших буханок хлеба. Для сравнения: в 2026 году на эти деньги можно купить 1—2 багета. За 1 франк можно было купить целый килограмм мяса. Сегодня в парижских супермаркетах килограмм говядины стоит около 22—24 евро.

Квалифицированный рабочий в Париже зарабатывал в среднем 3—4 франка в день. Годовая аренда скромной квартиры в Париже могла стоить 200—300 франков.

Надеюсь, это помогло представить ценность франка той эпохи.

Один тетерев в Барнауле в 1842 году стоил столько же, сколько одна булка хлеба в Париже.

«Добравшись до Томской губернии, нам стало ясно, что вскоре придется отказаться от зимнего способа передвижения. Солнце начало разрушать пористый снежный покров. Так, между Бирском и Краиновом снега уже почти не было, земля дышала мягким весенним воздухом, а в некоторых местах наши лошади поднимали клубы пыли. Но уже через один перегон, хотя уровень местности почти не изменился, нам пришлось вновь запрячь лошадей в сани, так как зимний экипаж мы оставили 14 апреля в Таричкине. Вот пример еще более странных, хотя и вполне обоснованных аномалий».

В этот момент я не обратил внимания на климатическую аномалию, о которой говорит путешественник. Но скоро это станет очевидным.

Наконец, мы на Алтае, в Барнауле. Путь занял примерно 37 дней, с 13 марта до 20 апреля.

Каждый год за последние 10 лет я прилетаю в Барнаул в начале апреля. Когда еду из аэропорта, вижу, что в иной год по обочинам Павловского тракта еще лежит снег, местами в городе остаются грязные сугробы. Но к 20 апреля снега, точно уже нет.

«В то время как в Барнауле была очень высокая температура и окрестности имели совершенно летний вид, в 90 километрах к северу от него, в районе Салаира, еще держался санный путь, и там пользовались для сообщения всеми преимуществами северной зимы. Впрочем, высокая температура, которая нас ожидала в Барнауле, сопровождала нас уже около недели по мере приближения к городу. Однако это не помешало нам переправиться через реку Чумич

по льду, сковывавшему ее еще очень крепко, хотя во время нашей переправы термометр показывал в полдень на солнце +21°. Нам меньше повезло при переправе через Обь, так как три дня спустя (20 апреля), достигнув левого берега реки, мы попали в самый ледоход. С треском громоздились огромные льдины. Мы вынуждены были расположиться лагерем до следующего дня, когда нам наконец удалось перебраться через реку. В месте нашей переправы ширина реки достигала примерно трех четвертей километра.

В день переправы 20 апреля солнце грело так сильно, что в десять утра термометр на солнце показывал +25,2°, а в полдень +32,6°. От пристани до Барнаула всего 16 верст. Быстрые лошади покрыли это расстояние за час.

Три недели, проведенные мной в Барнауле, промелькнули очень быстро в приготовлениях к дальнейшему путешествию: палатки, выюки и прочее снаряжение были изготовлены в мастерских этого города».

Жаль, что автор не пишет о городе. Но в книге «Достоевский проездом. Барнаул 1857—2021 гг.» я много пишу о столице Алтайского горного округа того времени. Дальше будет любопытная фраза Чихачева об охоте.

«Несколько раз мне довелось побывать на охоте в окрестностях Барнаула, и я смог оценить необыкновенное изобилие дичи, особенно бекасов (*Scolopax major*). Они водятся главным образом по краям болот, простирающихся к югу от города, вдоль берегов реки».

Хорошо, что не тигры, об охоте на которого в горах, недалеко от Алматы, Семёнов-Тян-Шанский рассказывал Достоевскому.

Глава 2

Отъезд из Барнаула в Бийск. Торговые связи Бийска. Крепость Катунь. Граносиенит Сетовки. Верхняя Каменка. Черный известняк Каменки. Граносиенит Сараса. Переход глинистого и жирового сланца в сланцевый известняк. Химический анализ. Растительность. Село Сараса. Крещенные алтайцы. Сланцевый известняк деревни Черга. Следы золота в ручьях Крешта и т. д. Кварцевая порода в контакте с грауваккой в окрестностях Шебалино и Сатулу. Химический анализ граувакки. Доломит. Химический анализ этой породы. Долина Семы. Даурский рододендрон. Истоки Семы. Семские Альпы. Встреча с зайзаном алтайцев Урсула. Склонность алтайцев к водке. Сведения об администрации различных племен, живущих в Сибири. Озеро и речка Кенги. Геологическое строение и растительность этих районов. Речка Курута. Нежелание алтайцев сопровождать путешественников. Хитрости и измены. Аппетит алтайцев. Удивление при виде европейской трапезы и употребления кофе. Кумыс. Арака. Геологическое строение долины Урсула. Признаки золота. Малый Ильгумень. Педикаман. Большой Ильгумень. Река Катунь. Этимология этого названия. Высокая температура воды в Катунь. Богатство растительности. Опасная переправа через Катунь на лодке и робость алтайцев. Религиозные жертвоприношения. Геологическое строение берегов реки Катунь.

Большая и увлекательная глава, но некоторые геологические моменты я пропущу, сосредоточюсь на маршруте и этнографии, так как ученый много говорит об этом.

«В окрестностях Барнаула весна сияла таким блеском, что, несмотря на мои справедливые опасения вновь встретить зиму в гористой местности, я не мог устоять против желания хотя бы приблизиться к Алтаю. Я поспешил направиться в Бийск, куда мы выехали чудным утром 13 мая. К сожалению, ясная погода недолго сопутствовала нам. Вскоре в воздухе запахло грозой и поднялся такой сильный ветер, что переправу через Обь, так же как через озеро, расположенное на ее правом берегу, нам пришлось отложить почти на целый день».

В 2026 году в Барнауле два моста через Обь. Первый, Старый железнодорожный мост, протяженностью 830 метров, его ввели в эксплуатацию в 1915 году. Спустя 40 лет по мосту пустили и автомобильное движение. Новый автомобильный мост был открыт в 1997 году.

«Вся местность между Барнаулом и Бийском покрыта наносной почвой и представляет собой гладкую, изредка пересеченную поверхность. Чередующиеся холмы и ложбины на местности, расположенной между почтовыми станциями Петровка и Хурнузовск, в 90 верстах от Бийска, придают ей весьма живописный вид. Застигнутые в этих местах темной и бурной ночью, мы едва не угодили в пропасть и только в ту минуту, когда передние лошади оказались на самом краю бездны, поняли всю опасность нашего положения. Из-за плохой погоды мы попали в Бийск только 17 мая».

Хурнузовск на современной карте Алтайского края я не нашел, а Петровка на месте, в 4 км от современной трассы Р-256, или Чуйского тракта, не доезжая 10 км до районного центра Троицкое.

«Бийск — это небольшое скопление деревянных домиков, которое окрестили «городом». Он интересен лишь с точки зрения тех торговых связей, которые его жители поддерживают с Китаем через Монголию. По правде говоря, эти отношения пока что незначительны по своим масштабам, но в дальнейшем они смогут приобрести очень большой вес с точки зрения как экономической, так и политической, пробивая для России еще одну брешь в той неприступной стене, которая возвышается между двумя самыми обширными империями мира к великому ущербу для их цивилизации. Районы Чуи стали бы тогда промежуточным звеном, связующим в известном смысле Кяхту и Семипалатинск. О пунктах между Монголией и городом Бийском, по которым в настоящее время направляется коммерческое движение, я буду говорить впоследствии.

Путь вдоль Чуи, которым пользуются купцы, намечен самой природой (и я следовал по этому пути). Русские экспортируют главным образом следующие товары: сукна, бархат, кожу, крашеное полотно, охотничий инвентарь, столярные изделия, котлы, кухонную утварь и, наконец, различные мелкие скобяные изделия. Стоимость всех этих товаров можно определить в 74 тысячи франков. Она возмещается главным образом чаем, известным под названием «кирпичного»: его пьют большинство русских в Сибири. Цена такого чая зависит от веса куска. Каждый кусок, или кирпич, весит обычно 2—3 русских фунта (0,818—1,2 килограмма) и при обмене стоит 1—2 рубля ассигнациями; при перепродаже, однако, покупатели платят от 2 рублей до 4 рублей 50 копеек, что обеспечивает русским купцам почти стопроцентную прибыль.

Другой предмет, охотно принимаемый русскими купцами в качестве обмена на их товары, — серебряная монета, известная в этих местах под названием «ямба». Это кусок довольно чистого серебра в форме неправильного куба, у которого одна сторона слегка вдавлена. Такой кусок обычно содержит около 46 золотников, или 195,90 грамма серебра, и считается эквивалентным 20 кускам кирпичного чая, из которых каждый оценивается в один банковский рубль. Русские купцы при обмене товаров на серебро имеют возможность приобрести почти 200 граммов серебра за 20 рублей, что составляет примерно 10 франков за грамм.

Некачественные листья чая, оставшиеся после сортировки урожая, прессуются в куски, напоминающие кирпич. В таком виде этот сорт чая перевозится в Монголию, Центральную Азию и Азиатскую Россию, не проникая, однако, в Европейскую. У народов, пьющих кирпичный чай, он играет очень большую роль. Они так привыкли к нему, что самый ароматный нектар первого мандарина Небесной империи им бы показался безвкусным по сравнению с напитком хоть и грубым, но чрезвычайно питательным. В этом я и сам убедился и даже в конце концов нашел этот напиток довольно вкусным.

Общая сумма всех ценностей, поставляемых в обмен на русские товары, может быть оценена приблизительно в 150 тысяч рублей ассигнациями.

Такие мелкие сделки приобретают совершенно иное значение, если учесть, что они не предусмотрены никакими соглашениями и, следовательно, носят чисто случайный характер, не позволяющий спекулянтам вкладывать в них большие капиталы. При этом русским купцам рынками сбыта служат всего лишь несколько бивуаков, в которых размещена какая-нибудь сотня полунищих монгольских солдат. Их капитал состоит из жалованья, получаемого в виде либо кирпичного чая, либо монет «ямба». Меня уверяли, что не раз жители Гобдо, Улатая и других провинций пробовали подходить к границе для непосредственного участия в меновой торговле с купцами из Бийска, но их постоянно отгоняли солдаты пикетов, вовсе не желавшие иметь конкурентов и предпочитавшие, чтобы их соотечественники платили им комиссионные».

Бийск — один из старейших городов Алтайского края. Его история начинается в 1709 году, когда по указу Петра I была заложена Бийская крепость, а в 1782 году поселение получило статус города. В 2005 году городу присвоили статус наукограда

Российской Федерации. На сегодняшний день Бийск является вторым по численности городом в регионе; в нём проживает около 180 тысяч человек. Бийск остаётся промышленным центром, и его внешнеэкономическая деятельность ориентирована преимущественно на экспорт: местные предприятия поставляют зерно в Казахстан, Белоруссию, Киргизию и Китай. Выгодное географическое положение на юге Западной Сибири, вблизи границ с Казахстаном, Монголией и Китаем, способствует дальнейшему развитию экспортных направлений.

У меня есть яркое личное воспоминание о Бийске. Однажды большой компанией музыкантов мы приехали с концертами «Рок против...», выступать в клубе Олеумного завода. Музыканты старались убедить бийскую молодежь, начать активно бороться с вредными привычками.

Тогда я и узнал, что олеумный завод производит взрывчатые вещества и серную кислоту. Мы выступили на сцене Дома культуры этого завода и уехали.

А экспедиция Чихачева продолжается.

«Мы выехали из города 4 июня. Погода была переменная, но жаркое солнце возвещало пробуждение природы. Места, которые мы проезжали, довольно густо поросли деревьями и кустами, покрытыми распускающимися листьями. Лесная ветреница, а также касатик русский поднимали со всех сторон свои ярко окрашенные лепестки. Склоны гор были украшены прекрасными астрагалами. Мы проезжали по высокому плоскогорью, простирающемуся вдоль правого берега Бии и отделенному от реки довольно обширной равниной.

В том месте, где Бия сливается с Катунью, примерно в 16 верстах от Бийска, мы переправились через реку. В двух верстах от переправы расположена деревня Иконниково. Здесь мы переменили лошадей и вскоре оказались у Катунской крепости. Это очень большая деревня, заселенная почти исключительно казаками. Небольшие укрепления и блокгаузы, образующие крепость, в достаточной мере отвечали своему назначению и могли бы быть полезными и в наши дни, если бы алтайцы, превратившиеся в мирный и безобидный народ, дали повод к беспокойству».

Село Иконниково до сих пор стоит на своем месте на правом берегу Катунь, а Катунская крепость теперь называется село Катунское Смоленского района, население — 450 человек. И до алтайцев еще 100 км пути.

«Мы быстро продвигались по слегка холмистой поверхности. Прекрасные лошади неслись как ветер по естественному шоссе. Вскоре Катунь скрылась, и мы вновь встретились с нею лишь тогда, когда нам пришлось совершить рискованную переправу. В 10—12 верстах от берега Катунь почти параллельно реке расположен ряд холмов. Более или менее болотистую равнину между холмами и рекой можно рассматривать как часть прежнего русла Катунь, которое, следовательно, должно было быть некогда в 15 раз шире.

Мы сменили лошадей в Красноярске, находящемся в 25 верстах от Иконникова. Это еще совершенно русская деревня: ничто там не напоминает Азию. Но уже на горизонте начинают смутно вырисовываться серебристые вершины Алтая. К сожалению, мы еще не скоро смогли насладиться зрелищем этой обетованной земли — цели нашего тягостного и утомительного путешествия почти в пять тысяч километров. Неровности холмистой поверхности, по которой мы так быстро проносились, то и дело скрывали от наших глаз эту утешительную картину.

Холмы тянутся вдоль левого берега Каменки, по которому мы следовали 20 верст до деревни Нижнекаменки. Речка извивается среди прекрасных лугов, причем по мере приближения к деревне местность становится все живописнее, напоминая альпийские пейзажи. Наконец мы прибыли в Алтайскую волость (называемую также Верхнекаменкой), где оставили экипажи,

чтобы продолжать путь верхом. По пути в Верхнекаменку мне прямо не терпелось поскорее достигнуть этого пункта, так как только отсюда для меня начиналось настоящее «алтайское странствование». Пока я ехал в экипаже по почтовому тракту, правда глухому, я еще не мог полностью ощутить того, что вступил на девственную землю и нахожусь в пределах Азии».

Нижекаменка осталась на своем месте, но скоро, наверное, сольется с бывшей Верхнекаменкой, которую еще в 1834 году переименовали в село Алтайское. Теперь это большой районный центр с населением 14 000 человек. Алтайское расположено почти напротив горы Бабырган, от которой начинаются горы. Есть чудесная легенда.

В давние времена у могучего хана Алтая была дочь Катунь, прекрасная, как горный снег. Он берег её от чужих глаз, но слух о красавице разнёсся далеко и достиг юноши Бия. Катунь и Бий полюбили друг друга и решились на побег.

Однажды ночью она сбежала. Проснувшийся хан пришёл в ярость и послал в погоню лучших богатырей. Быстрее всех мчался могучий Бабырган. Он почти настиг беглянку, уже схватил её за рукав, но Катунь вырвалась.

Разгневанный хан не простил Богатырю его неудачи. В наказание он превратил его в каменную гору и повелел вечно стоять на том месте, где он упустил беглянку. Так и застыл Бабырган на границе Горного Алтая.

Высота горы 1009 метров. Я несколько раз бывал на ее вершине. С одной стороны видно синие горы, а с другой — зеленые поля. Так начинается Горный Алтай.

Поехали, как говорят тревел-блогеры.

«На следующий день чуть свет мы все заволновались, снаряжая наш караван. Тот из моих читателей, которому придется готовиться к длительной научной экспедиции по неведомым странам, где располагаешь только тем, что заблаговременно взял с собой, несомненно, переживет, как и я, чувство неясного и тревожного нетерпения очутиться наконец в походе, чтобы воочию убедиться в правильности и конкретности своих предположений. Впрочем, страны Востока, где я прежде путешествовал, имели слишком мало сходства с теми, куда я собирался, чтобы заранее определить новые трудности экспедиции. Таким образом, все было до некоторой степени импровизацией, все основывалось только на предчувствиях, потому что предыдущие мои путешествия не могли мне быть полезными. К тому же никто не мог поделиться со мной опытом, так как маршруты исследователей, побывавших до меня в районах Алтая, кончались как раз в том самом месте, где начинался мой. Однако сердце мое радовалось при виде навьюченных, взнузданных и оседланных лошадей. Невольно я перенесся мыслью к тем благословенным дням, когда мой конь и моя палатка были для меня единственными источниками счастья. Хотя и под менее прекрасным небом, но я надеялся изведать прежнее блаженство и вновь очутиться в родной стихии.

Мои люди с большим трудом справлялись с распределением и укладкой громадного количества выюков, содержавших кроме прочего провизию для каравана на два месяца. Этот срок я считал достаточным, чтобы подняться по Чуе и Чулышману до их истоков и спуститься затем до устья Улукхана, где меня должна была ожидать вторая партия продовольствия, присланная из Бийска на следующие два месяца».

Надо кое-что прояснить. Как в Верхнекаменке купить все необходимое? Еще 15 лет назад там не было супермаркета, я помню это сельпо в 2000 году: на турбазе «Империя туризма», где я тогда работал у меня украли паспорт, и пришлось побывать в отделении милиции Алтайского и заглянуть в их магазины. Как Чихачев снаряжал экспедицию на два месяца — для меня загадка. Возможно, у местных крестьян он

смог приобрести все необходимые продукты. Но помимо продовольствия требуется уйма других вещей.

Вы когда-нибудь собирались в поход? Я могу сделать это почти с закрытыми глазами, потому что мое походное снаряжение, а это два полных драйбега, всегда стоит готовое. У меня есть опыт собирать группу в 40 человек в поход на 15 дней. Поверьте, это не простое упражнение.

Если вы даже хорошо знаете Алтай, то название Улуххана может вас насторожить. Где это? А это нынешний административный центр Улаганского района — наш любимый Улаган (Улуххане). Возможно, слово образовано от алтайского улаан — красный, и јаан — большой, старший, почтенный. А может, просто — красный хан.

Как-то ехали мы в начале сентября 2020 года из долины Чульшмана, и по дороге в Улаган у «Нисан Патруль» отвалился бампер. Мы нашли в Улагане, кажется, единственную шиномонтажку, хотели взять ключ и открутить бампер. Но мастерская была закрыта. На воротах висело объявление: «Все ушли на покос». Улаган — это очень далеко даже при нынешнем транспорте.

А у Чихачева параллельно основной экспедиции, которая рассчитана на 2 месяца, была запланирована еще одна группа; ее задача — доставить к определенному сроку в Улаган продовольствие. Ухты, как все усложняется!

Подчеркивая, что никто не мог поделиться с ним опытом, так как маршруты исследователей, побывавших до него в районах Алтая, кончались как раз в том самом месте, где начинался его, Чихачев немного лукавит. К тому времени по Алтаю прошло несколько экспедиций. Большая часть Алтая была исследована и нанесена на карту. Не хочу отсылать вас к картам XVII века, они «допотопные», но уже на картах XVIII века есть Телецкое озеро и верховья Чульшмана. Так что опыт экспедиций на Алтае был. Не умоляя заслуг Чихачева, стоит сказать: кто из туристов не любит приукрасить сложность своего приключения?

«Наконец, когда все было готово, караван, состоявший из 52 лошадей, двинулся в путь. Речка Каменка находилась по левую сторону от нас. Она протекает по суживающейся ложбине, окаймленной двумя рядами гор. На равнине, украшенной цветами, мне удалось заметить пышный шахматовидный рябчик, великолепный первоцвет, желтый гусиный лук и хохлатый истод.

Прежде чем достичь деревни Черга (Усть-Чергинская), нам пришлось три-четыре раза переправляться через эту реку. По мере того, как продвигаешься к деревне Черга, береза появляется все реже, а черемуха, которая до этого места украшала красивыми белыми гроздьями долины Сараса и Каменки, совершенно исчезает.

Маленькая деревушка на берегу Сараса впервые с начала нашего путешествия в этих краях напомнила нам, что мы находимся в Азии: ее жители — крещенные алтайцы. Хотя их лица по большей части сохранили черты монгольского типа, в них уже можно уловить признаки кавказской расы. Некоторые лица поражали сходством с великолепными турецкими типами: тот же орлиный нос, овальная форма лица, густая борода.

У деревни Черга, в устье реки того же названия, расположена уже область слюдяного сланца.

Сперва мы двигались по левому берегу реки Семы, протекавшей по небольшой, довольно лесистой долине, богатой черноземом. На горе, окаймляющей эту долину, я в первый раз увидел в полном цвету красивый даурский рододендрон 27 мая. Переправившись через реку Сему, в это время года довольно глубокую и быструю, мы въехали в узкую долину того же названия».

Современная дорога от Алтайского идет вдоль реки Сараса. Это правый приток Каменки, он ближе к Чуйскому тракту, но выводит ниже села Белое к реке

Булухта и далее в Чергу. Этот участок часто называют Старым Чуйским трактом — это не совсем верно, но привычно.

«От Катунь нас отделял лишь высокий гребень. Следуя вдоль небольшого ручья Крешта, впадающего в Сему, мы вновь вышли к реке. На берегах Крешта я велел сделать несколько промывок, давших неоспоримые доказательства золотоносности разрушившихся горных пород этой местности. Я продолжал свои опыты на берегах многих других правых притоков Семы и нашел, что все они более или менее золотоносны, хотя и в меньшей степени, чем осадочные слои Крешта, Кызылчая и Шебалина. Золотоносные породы этих притоков состоят из известняковой гальки, кварца и граувакков».

О золоте все понятно: Чихачев делал промывки на каждом ручье. Но зачем они по Креште поднялись на гряды и, видимо, потом от современной деревни Камай спустились по реке Емурла в Катунь — не понятно. Если надо выйти на Катунь, то проще по Семе, как идет наш Чуйский тракт. Возможно, экспедиция вышла к деревне Аскат, а может, Анос.

Кажется, я запутался, потому что далее Чихачев продолжает движение вдоль реки Сема. Ходил он на Катунь или нет — не понятно. Оставим это мутное пятно его маршрута и продолжим движение. Хотя сегодня в Анос надо заехать, там находится дом-музей великого алтайского художника Чорос-Гуркина, но он родился в 1870 году.

«Нам с трудом удалось переправиться через Сему, быстрота и глубина которой часто причиняли нам серьезные затруднения. Пройдя 15 верст от Шебалина, мы наконец очутились у начала долины Семы. Она окаймляется высоким гребнем, который отходит от Урсккульских Альп и тянется с северо-востока на юго-запад под названием Семских Альп. Здесь находятся истоки реки, и видно, как она бурно низвергается по западному склону округлой горы. Громадные глыбы и вырванные с корнем деревья, загромождающие берега, свидетельствуют о том, какие опустошения производят повсюду ее быстрые волны, кипящая пена которых сливается с массами снега, лежащими у оголенных корней лиственниц. Верхние районы долины покрыты характерной альпийской фауной. Они резко отличаются от нижних районов, чарующих глаз своей свежей растительностью».

Теперь все понятно. 15 верст от Шебалино — это примерно село Топучая. В середине XIX века там было несколько амбаров. Теперь живет почти 200 человек. Отсюда начинается подъем на Семинский перевал.

Семинский перевал находится на 583-м километре автодороги Р-256 «Чуйский тракт». Высота 1717 м, подъём (с северной стороны) 9 км, спуск (на южную сторону) 11 км. Дорога пересекает Семинский хребет между вершинами Сарлык (2507 м) и Вершина Тяхты (1900 м). На север с перевала стекает река Сема, на юг — Туэкта.

На перевале стоит обелиск в честь 200-летия добровольного вхождения алтайского народа в состав России, установленный в 1958 году.

Семинский перевал находится на границе Шебалинского и Онгудайского районов.

Происхождение названия Шебалино порождает споры среди историков. Наиболее распространённая версия связывает топоним с именем купца второй гильдии Шебалина. Согласно этой гипотезе, в 1833 году бийские купцы заложили в этих местах перевалочный пункт, а сам Шебалин первым построил здесь заимку и складские помещения для товаров. Примечательно, что купец никогда не жил в осно-

ванном селе — оно стало торговым узлом, а его фамилия закрепилась на карте. Существует и альтернативное объяснение, уходящее корнями в местную алтайскую географию. Исследователи выводят название от слова «Шибелик» (или реки Шибелик), которое, по одной из трактовок, переводится как «место с крепостью» или «место, где оборонялись».

Так что Шебалино — это еще русская земля, а далее все меняется. И Чихачев пишет:

«Эта часть долины находится в ведении „зайзана“ Николая, расположившегося со своими юртами на берегах Урсула. В сопровождении старейшин племени он вышел встречать меня к самому Шебелику. Согласно местным обычаям, я одарил его безделушками, прибавив несколько стаканов водки, до которых эти господа большие охотники. Пристрастие алтайцев к спиртным напиткам выражается в громадных дозах, которые они способны выпить. Не желая расходуя много водки, я дал им попробовать немного спирта, разбавленного водой. К моему удивлению, они не только нашли этот напиток вполне сносным, но и настойчиво просили меня увеличить порции, умоляя не портить драгоценный нектар добавлением воды. Чтобы лично удостовериться в том, сколько алтаец способен поглотить спиртного, я велел подать одному из них, проявившему больше всех настойчивости, большой стакан чистого, неразбавленного спирта. Он судорожно схватил его и залпом выпил, причем никто из его друзей не удивился, а только позавидовал ему. Некоторыми обычаями алтайцы напоминают восточные народы. Так, одной из черт сходства с арабами и турками является у них привычка сидеть по-турецки и курить трубку».

Что тут можно добавить? Удивили алтайцы европейца. Некоторые считают, что у алтайцев не было своего алкоголя. Это заблуждение. В книге «Алтай. Телецкое озеро» я написал целую главу об алкоголе.

Начну с предупреждения: ЭРҮҮЛ ЈҮРҮМ (ЭРЮЮЛ ДҮЮРЮМ) — трезвая жизнь. Эрүүл жүрүм считается идеальной нормой жизни человека. Люди, которые придерживаются норм и стремятся к идеальной жизни, стараются без повода не употреблять спиртные напитки. Употребляют алкогольный напиток только по важному случаю и всегда знают меру.

Самый известный и распространенный напиток — АРАКЫ, молочный самогон. Его получают из кисломолочного продукта — чеген. Для перегонки употребляли специальный аппарат — шурум. Пары чегеня образовывали молочный самогон, крепость напитка не превышала 10°. Недозревший молочный самогон называется АРАЧЫККАН АРАКЫ, а молочный самогон вторичной выгонки называют АРАЖАН.

Есть молочный самогон третичной выгонки — КОРОЖОН. Видимо, с каждой перегонкой крепость напитка возрастает.

Что такое чеген, основа для аракы? ЧЕГЕН — кисломолочный напиток. Его изготавливают из коровьего молока или молока лошади. Молоко наливают в деревянное ведро и заквашивают. В качестве закваски используют копченую жилу лошади, коровы или овцы. Теленгиты для закваски могли добавить кору ивы. После закваски добавляют свежее молоко и периодически взбалтывают специальной деревянной мешалкой.

Был в рационе коренных жителей Алтая и напиток ПОЗО — это брага. Для ее приготовления в тёплой воде смешивали муку из поджаренного ячменя с солодом. Позо готовили и как жертвенный напиток. Ячмень для этой браги обязательно должен был быть ритуально чистым, иначе считалось, что духи могли не принять такое

подношение. Поэтому ячмень для жертвенной браги сеяли подальше от жилищ и пастбищ.

В литературе встречается еще два названия солодового напитка. САБА — слабоалкогольный напиток из пророщенных зерен ячменя и теплой воды. Его тоже готовили для жертвенных целей, для кропления духам. И СЫРА — брага или пиво. Его готовили из зерна, в том числе с использованием меда.

Не знаю, чем отличается ПОЗО от АБЫРТКА. Это тоже брага, которую делали из солода. По той же технологии солод заливали тёплой водой и ставили в тёплое место. Солод начинал бродить и превращался в слабоалкогольный тонизирующий напиток. Абыртку использовали во время жертвоприношений в качестве подношения духам. Наверное, это разные названия одного напитка: у тубаларов брага из перебродившей смеси солода, талкана и воды называлась САБА, у чалканцев — ОРОТО, а у кумандинцев — ОРОТКО.

Но известно, что ОРТО — гуща из муки, размешанная в воде для брожения, в которую добавляли брагу. И после орто перегоняли, чтобы получить самогон. Или употребляли без перегонки.

То есть всё же перегоняли. Значит, имели и крепкий напиток.

У алтайцев есть особенности восприятия алкоголя. Во-первых, этногенетическими (точнее, этнофенотипическими) особенностями популяций народов Алтая в отношении ферментных систем, обеспечивающих обмен этанола в организме и вовлечение его в метаболизм. Поскольку основной причиной нейро- и соматотоксического действия алкоголя, формирования алкогольной зависимости является ацетальдегид, то устойчивость к алкоголю снижается по мере уменьшения способности организма окислять этанол без образования повышенных концентраций ацетальдегида. Эта способность организма зависит от соотношения активностей и изоферментных спектров алкогольдегидрогеназ (АДГ) и альдегиддегидрогеназ (АльДГ). Популяционная же чувствительность к алкоголю является следствием фенотипических особенностей изоферментных спектров АДГ и АльДГ. Причем повышенная чувствительность к алкоголю коррелирует с наличием в фенотипе «атипичных» изоформ АДГ (АДГ2 — наиболее активных в реакциях окисления этанола) или/и с отсутствием АльДГ1 (наиболее активных в реакциях окисления ацетальдегида).

Понятно? Проблемы у алтайцев с алкоголем на генетическом уровне. Хотя, как написано выше, они употребляли крепкие напитки — аракы вторичной, третичной перегонки и перегоняли брагу.

Некоторые считают кумыс алкогольным напитком. В нем бывает от 0,2 до 2% алкоголя. КУМЫС — напиток из сквашенного кобыльего молока. Кобылье молоко сливают в кожаный сосуд, мешок из сыромятной кожи, в котором кумыс подвергался естественному брожению. Из кумыса тоже методом перегонки выгоняли аракы.

В одном источнике обнаружил, что самогон выкуривали из рябины. Таяжные алтайцы использовали плоды рябины после заморозков или перед употреблением кипятили, чтобы удалить горечь. Так что знали вкус «рябиновки».

Я пил разную араку. У нее особенный, неяркий запах, но и его хороший хозяин отбивает пахучими травами. В Ак-куруме Василиса и Юра угощали меня аракой с чебрецом и с полынью. Последняя напоминала абсент. На здоровье!

И вернемся к маршруту Чихачева.

«Чтобы достичь области Урсула, надо было переправиться через Урусские Альпы. Приблизительно через час мы доехали до них и взобрались на обширное горное плато, увенчанное

пирамидой, закругленная вершина которой была почти сплошь покрыта снегом. На востоке плато сливалось с горной грядой; на западе вырисовывалось другое плоскогорье, более высокое, чем первое. К нему мы и направились. Нам понадобилось около часа на пересечение этого плоскогорья, местами болотистого, но не столь оголенного и заледенелого вида, как это характерно для обширной системы горных плато Чуи, Чулышмана и т. д. Вероятно, в более позднее время года эти места были бы небезынтересны для ботаника. К сожалению, когда я там находился 28 мая, снег покрывал значительные пространства и флора была чрезвычайно скудна.

Когда мы стали спускаться с плоскогорья, нашим взорам предстала вся горная цепь Урскульских Альп с их белыми вершинами и склонами, изборожденными длинными серебристыми полосами, сверкающими на солнце. После двух часов пути мы спустились на широкую равнину, по которой протекала речка Песчаная. Спуск с горы не очень крутой, но довольно продолжительный. Оставив позади себя высокогорные районы, мы очутились в кругообразной долине. Хотя она расположена и невысоко, температура воздуха здесь была еще очень низкой. Уже разбив лагерь на правом берегу Песчаной, мы обнаружили, что почти вся поверхность реки покрыта льдом. Так, ночью 29 мая термометр показывал $-3,9^{\circ}$. Мы оставили Песчаную, которая разделилась на несколько маленьких ручейков, пропадающих незаметно среди болотистых лесных порослей. Пройдя по плоскогорью, заросшему густым лесом, мы спустились в очаровательную долину, в середине которой раскинулось озеро Кенги».

Это озеро на современной карте обозначено как Теньгинское, то есть Ровное; на его берегу расположен поселок Озерный или Буландык, то есть Лосинное. В Озерном 200 жителей.

«Берега озера находятся на одном уровне с его поверхностью. Вода здесь пресная и вполне пригодна для питья. На озере плавает множество уток.

На западном берегу озера, вдоль которого лежал наш путь, мы наткнулись на несколько палаток. Их поставили русские купцы из Томска, жившие здесь уже несколько месяцев. Им нужно было приобрести скот для города, где близость разработок золотоносного песка представляла им очень выгодный рынок для сбыта мяса. В этих отдаленных районах встреча с европейцем всегда производит чрезвычайно приятное впечатление. Все русские купцы говорили по-алтайски так же свободно, как и сами туземцы, и мы могли лишний раз восхититься той удивительной легкостью, с которой славянские народы усваивают обычаи и язык восточных народов. Это явление я впоследствии замечал не раз.

Примерно около трех часов мы следовали вдоль реки Кенги. Верховье ее расположено в горах, смежных с озером, и впадает она в Урсул. Мы пересекли равнину с очень бедной растительностью. Нас окружала невысокая горная цепь, покрытая скудной травой.

Мы оставили Кенгу недалеко от ее устья. Следуя вдоль Урсула, мы добрались до того места, где река принимает воды своего притока Курут».

Урсул — это уже другой Алтай. Экспедиция покинула территории русского влияния; символично, что на перевале они встретили последних русских.

«Уже начало темнеть, когда мы стали переправляться через Куру. Благополучно достигнув левого берега, я немедленно велел раскинуть палатки. «Димиджисы», у местных племен так называются служащие, находящиеся в непосредственном подчинении зайзанов урскульского племени, извещенные зайзаном Николаем о моем приближении, пригнали около 200 лошадей и вышли встречать нас, поздравляя с благополучным приездом. По моему приглашению они смиренно расселись на корточках на некотором расстоянии от моей палатки и полу-

чили каждый, громко выражая свою радость, порцию водки и сухарей. В это время казаки были заняты отбором лошадей.

Минута, когда прежние проводники заменяются новыми, всегда является для первых сигналом к взрыву радости и веселья и одновременно источником горечи и недовольства для тех, кто их сменяет, особенно когда они имеют основания предполагать, что путь будет долгим и трудным. В случае же если караван проезжает мимо какого-нибудь населенного пункта, проводники начинают умолять путешественника взять в юртах нового проводника, а его отпустить. Со своей стороны, обитатели юрт предвидят критическую минуту и стараются как можно скорее спрятаться подальше и скрыть свои табуны. Делают они это с ловкостью, равной разве только той, которую проявляют соперники, старающиеся их перехитрить. В конце концов путешественник рискует порой оказаться покинутым своими проводниками, что может поставить его в крайне тяжелое положение в совершенно пустынной местности.

Я и сам испытывал несколько раз такие затруднения, и мне удавалось предотвратить неприятные последствия такого положения, только взяв с собой большее количество людей и лошадей, чем требовалось. При этом часто приходилось прибегать к очень любопытным приемам, которым меня обучили мои казаки, превосходно знакомые с нравами и характером алтайцев. Вечером, прежде чем лечь спать, я заставлял всех алтайцев снимать обувь и отнимал у них трубки, огнива, седла и т. п. Реквизированные предметы нагромождались около моей палатки, иногда образуя целую пирамиду, у которой я ставил часового. Ему было также вменено в обязанность следить за лошадьми. И только таким способом удавалось уменьшить дезертирство, но не искоренить его полностью, так как часто алтайцы предпочитали отказаться от своих лошадей и рухляди и вернуться домой босыми и пешими, чем тащиться дальше по горам и долам.

Впрочем, я столкнулся с этим досадным явлением только после того, как проник в глубь пустынных и болотистых районов, где каждый день сопровождался какими-нибудь более или менее тяжкими испытаниями. Пока же я находился в местах, хоть в какой-то степени населенных и посещаемых, мой караван дышал благополучием и весельем: люди пели и шумно беседовали. Такое благодушное настроение поддерживалось перспективой встретить в долине реки Чуи населенные пункты, где будет легко найти проводников и лошадей. И действительно, юрты, на которые алтайцы спешили указать, очень охотно предоставляли мне и тех и других. Вновь завербованные утешались надеждой, что их служба будет недолгой и к тому же им представится возможность вдоволь поесть мяса.

Ведь одна из отличительных черт алтайцев — непомерный аппетит. Правда, ни один смертный не мог бы так стоически, как они, переносить голод и жажду, но на всех ступенях развития человеческого рода не найти людей с такими могучими пищеварительными способностями. Чтобы ясно представить, сколько пищи может поглотить один алтаец, надо видеть его собственными глазами. Обычно же этот народ живет почти исключительно на чае. В чай прибавляют либо бараний жир, либо жареный ячмень, а также несколько горсточек соли. Эту смесь кипятят в котле, разнообразие назначений которого не делает напиток соблазнительным. Этим чаем они наполняют деревянные чашки и пьют его почти кипящим. Несколько щепоток табаку, набитого в маленькие медные, сделанные из цельного куска трубочки, дополняют скудную трапезу и заставляют забыть о более существенной пище. Таковая, если ее удастся достать, состоит исключительно из баранины, которую алтайцы потребляют в невероятном количестве. Впрочем, они не слишком заботятся о породе четвероногих, из которых готовится их будущее жаркое, и также мало интересуются его санитарным состоянием. Бараны, коровы, олени, лошади — падаль или убойна — всё идет в пищу без особого разбора. Это намного ускоряет приготовление обеда и отбивает аппетит не только у гостя-европейца, но, вероятно, и у всякого неалтайца.

Трудно себе представить то любопытство, с которым они следили за приготовлением моего обеда. Хотя в дни изобилия обед состоял только из рисового супа или пилава по-турецки и жареной баранины, они никак не могли постичь сложности всех незнакомых им процедур и инструментов, применяемых для такого обычного дела, как приготовление пищи. Но больше, чем вилки, ножи, ложки, тарелки, стаканы и т. д., их удивлял кофе, приготавливаемый на спиртовке. Этот напиток, который на Востоке считается почти необходимым для человеческого существования и недостатка, в котором я никогда не испытывал ни среди арабских, ни среди турецких племен, даже самых диких и бедных, совершенно незнаком монголам, не понимающим, как можно существовать без чая. Алтайцы меня спрашивали, что это за черная жидкость, которая так непохожа ни на кумыс, ни на араку.

Вся ночь прошла в веселых песнях и пирушках. На следующий день мои прежние попутчики простились со мной и ускакали, а новый караван двинулся в путь».

В караване Чихачева 52 лошади. Урскульские алтайцы пригнали 200 коней. Трудно представить себе лагерь, в котором примерно 50 человек и 250 животных. Чихачев в этом отрывке удивляется аппетиту алтайцев и упоминает падаль. Уверен, что он чего-то не понял. У алтайцев даже в голодные годы хватает мяса. Конечно, пищевой набор был традиционно скудным, но вполне питательным и временами разнообразным.

Например, летом у алтайцев преобладает молочная пища. Зимой молочные продукты преимущественно употребляют в виде сыра и масла. У алтайцев молоко и молочные продукты относятся к белой пище (ак курсак).

У каждого молочного продукта есть название. Молоко для заправки чая называется КАДЫК. А чай с молоком и талканом — КАДЫКТУ ЧАЙ. Что такое талкан? ТАЛКАН — блюдо из обрубленных зерен ячменя или пшеницы. Алтайцы изготавливают талкан из обжаренных зерен ячменя. Зерна толкут в ступе до отделения кожицы. Для очищения от плевел провеивают. Очищенный ячмень растирают зернотеркой и получают талкан. Его добавляют в чай. Из талкана варят кашу с молоком называется она — БОТКО. Иногда так называют специальную ритуальную кашу.

Помимо чая в каждом айле есть ЧЕГЕН — кисломолочный продукт. Я уже писал, что в качестве закваски используют копченую жилу животного или кору ивы. Еще есть один удивительный способ заквашивания молока — с помощью цветка подснежника. КЁК-ТАМАН — он же Прострел раскрытый. В кожаную бутылку опускали траву Прострела и заливали молоком. Бутылку держали за пазухой и ехали по делам на коне, молоко взбалтывалось и начинало бродить.

В алтайской кухне есть два кисломолочных напитка: чеген и айран. Упрощенно айран готовят из сырого молока, чеген — из кипячёного.

Далее.

КЁЁРЧЁК — молочный напиток, получаемый путем смешивания чегеня и парного молока.

ОРЁМЁ — густая жирная масса, образующаяся на поверхности после кипячения и отстаивания молока. Для получения более густой массы в закипающее молоко добавляли немного муки или талкан. Ели с хлебом, кислым сыром (курут), им заправляли чай, а также из него сбивали масло. То есть это сливки с мукой или талканом.

ЭДЬЕГЕЙ — творожный продукт. В кипящее молоко добавляли небольшое количество чегеня, после чего молоко кипятили до тех пор, пока оно не превратится в творог красного цвета.

ААРЧЫ — продукт, получаемый путем кипячения и процеживания чегеня или айрана. В результате оставалась творожистая масса. Аарчы можно употреблять

сразу в пищу, добавив в него молоко. Для длительного хранения аарчы сушили, выкладывая на плотную ткань, расстеленную на открытом воздухе.

БЫШТАК — пресный мягкий сыр. Готовили из смеси молока и чегеня. В кипяченое молоко вливали чеген в пропорции 1:2 и доводили до кипения. Получившуюся массу процеживали, клали под пресс и нарезали пластами.

КУРУТ — кислый сыр. Готовили из свежей творожистой массы аарчы. Приготовленный аарчы нарезами толщиной в два пальца. Клали на решетку из деревянных прутьев, установленных над очагом в айыле. Здесь курут сушился и коптился. Некоторые хозяйки курут не коптили, а просушивали на солнце. Высушенные куски нанизывали на шнур и развешивали в айле. Курут может храниться годами. Курут растворяли в воде и получали напиток, по вкусу напоминающий чеген.

КАЙМАК — сливки. Для приготовления молоко кипятилось, затем отстаивалось в течение суток, и с отстоявшегося молока снимали сливки. В европейской культуре сливки получали путём сливания отстоявшегося молока, отсюда и название «сливки». Сливки — верхний слой отстоявшегося сырого молока. У алтайцев молоко кипятили.

САРДЬУ — топленое масло. Для приготовления масла брали сливки, помещали на несколько дней в казан, после отжимали руками загустевшую массу. Из полученной массы вытапливали масло, сливали его в продыmlенные коровьи пузыри и подвешивали в айыле.

Есть почти десерты: ягоду — смородину, чернику, малину, бруснику — смешивали с молоком и сливками. Это не является экзотикой для европейца, чего не скажешь о следующих блюдах.

Лук-слизун **МАНЬИР** употребляли в пищу в сыром и вареном виде. Часто варили с ним молочный суп. Луковицы очищали, клали в кипяченое молоко, варили и затем толкли. Получалась каша на молоке. Салат понятно, лук с яйцом — популярная у русских начинка к пирогам, но молочный суп — это интересно.

На Алтае растет черемша, другое название — колба. **КАЛВАЛУ ПЕРЕК** — блюдо из черемши. Для его приготовления замешивают пресное тесто и готовят начинку. Калбу мелко нарезают, солят творог, разминают, в получившуюся творожную массу добавляют измельченную калбу. Калвалу перек лепят в форме вареников и варят на молоке. Готовое блюдо подают с маслом или сметаной, а молочный бульон подают отдельно в пиалах. Лук и черемша — это объяснимо и понятно. Но есть молочные блюда с другими растениями.

Например, блюда, приготовленные из луковиц сараны, напоминают картофельные, но обладают специфическим вкусом. Алтайцы ели растение в печеном, вареном и сыром виде. Луковицы расчленили на дольки, очищали, варили в молоке, добавляли масло. Также из лилии готовили кашу с молоком. Сначала варили в воде, затем, слив воду, отжимали. Второй раз варили сарану на молоке. Готовую кашу из сараны могли заправлять сметаной.

А еще варили **КЁГЁЗИН** — бодяк съедобный. С наступлением весны выкапывали корневища и варили похлебку на молоке.

Ели ревень. Есть популярное варенье из ревеня. Но алтайцы отваривали свежие черешки ревеня в молоке. Растение заготавливали на зиму. Сушеные черешки мелко нарезали, опускали в горячую воду, размачивали, перемешивали со сметаной каймаком или топленым маслом. В пищу использовались и листья ревеня. Измельченные листья добавляли в мясной бульон или как самостоятельное блюдо перемешивали со сливками.

Весной первым появляется растение **КАНДЫК**. Его корни употреблялись в пищу. Выкопанный кандык очищали и употребляли в свежем и жареном виде, а также добавляли в молочный суп. Кандык заготавливали на зиму. Зимой сухие луковички варили на молоке, добавляя туда сливки и яйца. Во всех блюдах меня удивляет способ приготовления молочного супа из растений.

Как хранили молочные продукты? Коренное население Алтая изготавливало из бересты хозяйственную утварь, разнообразные туеса. В них хранили молоко, сметану, простоквашу, масло. Из прокопченного мочевого пузыря овцы делали мешок для хранения топленого масла. Сыр курут хранили в открытом виде. Чеген всегда стоит в специальной бочке в углу аила.

Алтайцы, конечно, любят поесть, особенно поспать, но кто без греха? Поели, поспали, поехали дальше.

«От устья Кенги до устья Курута Урсул протекает по почти ровной долине, с обеих сторон окаймленной цепью гор и разделенной рекой на две неравные части. Урсул омывает почти самое подножие гор, расположенных с правой стороны от нас, а противоположная цепь гор отделена от реки обширным пространством.

Мы продолжали путь вдоль левого берега Урсула. После двух часов ходьбы по почти гладкой равнине мы переправились через приток, разделяющийся здесь на несколько рукавов, и скоро достигли горного заслона Уиташа, подступающего очень близко к правому берегу Урсула. Подъемы и спуски заняли примерно три четверти часа. У наших ног бурный поток катил свои пенистые волны, пересекая сосновый бор. Мы спустились в оголенную долину и направились вдоль Урсула, воды которого неслись рядом с нами.

Гора украшена даурским рододендроном (*R. davuricum*). Мощные кусты этого растения поднимались среди беспорядочно нагроможденных обломков и глыб. Яркие цветы живописно чередовались с темной зеленью хвои.

Следуя вдоль Урсулу, мы переправились через несколько горных рек: сперва через Шабанханэ, Шебелик, Онгудай и затем Эвлети, отделенный от первых трех слегка холмистой местностью. Последняя переправа заняла у нас четыре часа. Река Эвлети всюду несет опустошение и запустение. Ее русло и берега усеяны глыбами и стволами вырванных с корнем деревьев, число которых умножается каждый раз, как дожди и таяние снегов поднимают воду в реке и усиливают ее течение.

В то время, когда мы пересекали бурный поток между деревьями и валунами, о которые он с шумом разбивался, начавшийся сильный дождь грозил поднять воду и сделать переправу невозможной, так как вода в реках Алтая прибывает очень быстро.

Начиная с Эвлети горы, окаймляющие долину Урсулу, до этого места довольно широкую, начинают сближаться. Поверхность становится все более неровной. Здесь берегами служат сами горы, которые в некоторых местах теснят, подобно стенам, русло реки.

От Эвлети мы шли примерно два часа по гористой местности и наконец достигли Малого Ильгуменя».

Видимо, река Эвлети на современных картах называется Улюта. А Малый Ульгумень носит прежнее название.

«Его русло глубоко и очень каменисто. Толстые слои снега лежали на берегах реки и покрывали островки и песчаные отмели. Снежный покров был еще достаточно плотным, и лошади шли не проваливаясь (это было 29 мая). На фоне дикой природы в окрестностях величественной реки блеск этих искрящихся пластов, края которых были выровнены как бы по шнуру и отполированы водой, производил волшебное впечатление.

Переправляясь через Малый Ильгумень, мы попали в опасное положение: волны с силой били по лошадям, грозя их перевернуть и делая их поступь неуверенной. Грозовой дождь вынудил нас удвоить усилия, чтобы как можно скорее достичь противоположного берега. Уровень воды в реке увеличивался с такой быстротой, что двое моих спутников, оставшихся позади, уже не могли переправиться там же, где мы: им пришлось ждать до тех пор, пока разъярённые волны несколько успокоились.

Мы направились вверх по правому берегу Малого Ильгуменя. Из-за гористой местности нам все время приходилось преодолевать подъемы. С высоты мы часто любовались чудным видом реки. К несчастью, гроза и дождь преследовали нас с остервенением, поэтому мы были очень рады, когда наконец, после трех часов ходьбы, достигли достаточно ровного места вблизи от берега. Я велел разбить палатки, хотя эти жалкие убежища очень плохо выдерживали борьбу с ветром и дождем, не переставшими свирепствовать до следующего дня.

Растительность долины Ильгуменя, вероятно, очень красива в более поздний сезон. К сожалению, во время нашего пребывания в этом крае 31 мая было еще очень мало цветущих растений».

Вас тоже удивляет, что 31 мая в долине Ульгуменя местами лежит снег, но уже цветет маральник? Чихачев несколько раз объясняет это общим мировым похолоданием. Но пока ему не очень везет с погодой. Только что попали в сильные дожди и снег должно было смыть.

«Долина Большого Ильгуменя заметно сужается по мере приближения к Катуню. Река, зажата скалами, становится еще более бурной; шумя и пенясь, она стремительно несется по обломкам скал и камням, выступающим на поверхность. Как раз в этих местах, примерно в пяти километрах от впадения Большого Ильгуменя в Катунь, нам нужно было переправиться через реку. Мне не хотелось ждать, пока спадет вода, уровень которой сильно поднялся из-за недавно прошедшего дождя, и я решил немедленно приступить к переправе. Она прошла благополучно, хотя предприятие это было рискованным. Некоторое время мы следовали вдоль правого берега, когда вдруг, как по волшебству, — после едва заметного подъема — оказались перед извилистым оврагом, где бурлили пенистые воды Катуню. Однако сама река предстает перед глазами путника только тогда, когда он начинает спускаться к ее руслу. Узкая долина Катуню заключена между высокими берегами, которые защищают ее от холодных ветров и сохраняют тепло солнечных лучей, поглощаемых огромными темными горными массивами с широкой гладкой поверхностью, и представляет собой контраст со смежными районами.

В то время как на берегах Ильгуменя еще лежал снег, на Катуню стояла невыносимая жара: термометр показывал в полдень $+38^{\circ}$ на солнце и $+29^{\circ}$ в палатке. Но уже через час после захода солнца температура воздуха была всего $+11^{\circ}$, а температура воды $+5,2^{\circ}$. Вследствие охлаждения, вызванного близостью высокогорных районов, где находятся истоки реки, температура воды казалась достаточно независимой от температуры воздуха.

От дождя вода в Катуню сильно поднялась, и я решил отложить переправу до следующего дня и воспользоваться оставшимся временем, чтобы немного пройтись по левому берегу реки и ознакомиться с богатой растительностью этого района. Последняя, если сравнивать ее с флорой соседнего района, сразу, как по мановению волшебного жезла, переносит ботаника из области полярных льдов в жаркий пояс.

Карликовая акация так же мало оправдывает здесь свое скромное название, как и хамеопс низкий. Так, в Сиции и Малой Азии это дерево почти стелется по земле, а здесь оно гордо поднимает свою прекрасную крону, как в наших европейских ботанических садах, в частности в Париже, Палермо и Берлине.

Желтая акация и цельнокрайний кизильник усыпаны цветами. Почki многоцветковой купены на обширном плоскогорье, ведущем к Катунь, и в ее верховье еще не раскрылись, а на склонах берегов они уже в полном цвету. В полной красе летнего убранства сияет жимолость, на можжевельнике уже созревают ягоды. Плоды сибирского кивяника уже поспевают, хотя красные и желтые цветы еще остаются на этом растении. Всюду мелькают цветы обыкновенной льнянки. Крупные цветы астрагала, как мотыльки, поднимаются над тонкими ветками растения, украшенного небольшими и изящными перистыми листьями. То там, то здесь мелькают листья гюldenштетии однолистной, напоминающие закругленный треугольник, но в общем она появляется довольно редко.

Фиалка, гипекум прямой, алтайская резуха, ломонос и алтайский астрагал — растения, которые так ценятся в гербариях Европы, — со всех сторон манят ботаника, у которого глаза разбегаются от всего этого блеска и богатства. Там и сям великолепный лавролистный тополь погружает свою блестящую листву в быстрые волны.

Бесчисленны злаковые; небольшие ползучие бобовые растения и т. д. сплошь покрывают все трещины и щели сиенитовых глыб».

Это прям какой-то ботанический любовный роман в исполнении Петра Александровича. А после уточнения о сиенитовых глыбах он ударяется в геологию. Не решусь вас ею утомлять. Достаточно ботаники.

«К несчастью, дождь лил всю ночь, и в минуту нашего пробуждения река представляла собой действительно грандиозную картину. С быстротой молнии по пенным волнам мимо нас проносились вырванные с корнем деревья. Среди всего прочего мы разглядели труп оседланной лошади, отданный во власть стихии, как лист воле ветра. Он несся по бурному течению, как бы желая догнать уносившиеся стремительным потоком обломки. Редкое лето, когда волны Катунь не обогащаются кровью какого-нибудь живого существа. Часто даже трупы людей увеличивают число жертвоприношений неистовому потоку. Для переправы через него местные жители пользуются жалкими лодками, выдолбленными из ствола тополя. Малейший толчок или потеря равновесия опрокидывают утлый челн, по сравнению с которым константинопольская каюка кажется устойчивым судном.

Катунь пересекает единственный путь, ведущий из Бийска на Чую и дальше — через Монголию — к границе Китая, с которым русские купцы торгуют все активнее. И все здесь должны совершить левкадский прыжок VIII, чтобы уменьшить неудобства переправы, особенно опасной весной из-за таяния снегов. Я велел доставить из Бийска лодку, имеющую то преимущество, что она была сделана по-европейски. По сравнению с утлым алтайским челноком моя маленькая шлюпка казалась настоящим кораблем, в котором смело можно решиться на самое рискованное путешествие».

Остановимся. Во-первых, редкая метафора требует объяснения. Левкадский прыжок. Левкада — один из островов Ионического моря. Южная оконечность острова заканчивается мысом Дуато. В древности мыс назывался Левкадской скалой, откуда ежегодно сбрасывали в море одного преступника для искупления грехов всего населения острова. Ему не давали утонуть, но он навсегда должен был покинуть остров.

А во-вторых, обратили внимание на: «Я велел доставить из Бийска лодку». То есть пока караван Чихачева из 52 лошадей шёл своим маршрутом, кто-то прошёл впереди него и доставил лодку. Как? Кто? Мы ещё поговорим об этой лодке.

Вам, наверное, не важно, как с алтайского переводится Урсул, а я скажу. Оро сул — река в яме, а Ульгумень просто — большая река, а Катунь ещё больше.

Ей длина: 688 км. Среднегодовой расход воды у слияния с Бией 626 м³/с. Название происходит от древнетюркского слова «катун» (хатун), что переводится как «госпожа», «хозяйка» или «царица».

Любая переправа — это всегда страшно. А у них весна, резкий скачок воды в Катунь после дождей, но Чихачеву надо форсировать реку.

«Наконец я решил начать переправу, несмотря на энергичные протесты алтайцев. Однако ужас их скоро сменился удивлением, когда они увидели двух дюжих казаков, которые, уложив вещи в лодку, прыгнули в нее и понеслись по реке с быстротой стрелы. Мы долго смотрели, как они, вооруженные веслами, боролись с пенистыми волнами, то исчезая, то появляясь вновь. В конце концов их смелость и сила восторжествовали над бурной стихией, и они благополучно достигли противоположного берега. Эти люди, чью отвагу и преданность я имел впоследствии случай оценить неоднократно, пятнадцать раз проделали эту тяжелую переправу, так как в лодке можно было перевозить лишь небольшой груз. Наконец, переправив весь багаж, я сам рискнул принять участие в этой необычной навигации, которая закончилась полным успехом. Таким образом, переправой занимались только двое, несмотря на присутствие 25 алтайцев, которые, дрожа от страха, позволяли себя перевозить, подобно робким агнцам, ведомым на заклание. Они были совершенно убеждены, что гораздо опаснее переправляться на лодке европейского образца, чем на челноках местного изготовления, так как совершенно невозможно, полагали они, управлять столь огромным кораблем, каким они считали мою небольшую шлюпку всего на восемь человек».

Попрошу вернуться к обсуждению лодки. Экспедиция вышла из Бийска 4 мая, пришла на переправу 31 мая. Лодка была уже на месте. Опытный путешественник отправил лодку заранее, но как её тащили, или разобрали, а потом на берегу Катунь собрали? Шестиместная лодка примерно 4 метра длиной, не лёгкая поклажа. Как я понял, переправлялись они там, откуда начинается сплав в Ильгуменьский порог. Протяжённость порога около 300 метров. По классификации он имеет 4-ю категорию сложности. Это серьёзное препятствие, которое характеризуется мощными валами высотой до 2—3 метров и «бочками».

Если зазеваешься, унесёт в порог, мало не покажется. Больше всего меня удивила лодка, которую притащили из Бийска, — это 250 километров по прямой, через два перевала.

Погнали дальше.

«Поведение лошадей во время переправы внушало одновременно и жалость, и страх. Предчувствуя трудное испытание, несчастные животные боролись изо всех сил, не желая спуститься с берега. С блуждающими глазами, раздутыми ноздрями и вздыбленной шерстью, они шарахались от бурных волн, в которые их пытались столкнуть. Алтайцы, вооруженные длинными шестами и хлыстами, окружили коней тесным кольцом. Отступления нет. Дикие крики людей и удары заставили в конце концов бедных животных всё же броситься в воду. Как только ноги их перестали касаться дна, их стало уносить бурным течением. Перепуганные животные тщетно боролись с волнами. Только после того, как бурное течение протащило их более чем полкилометра по потоку, они, собравшись с силами, понемногу начали преодолевать его и наконец достигли противоположного берега. Звезда, благоприятствовавшая нам, распространила и на наших лошадей своё благотворное действие. В полном изнеможении и люди и лошади благополучно добрались до противоположного, правого, берега Катунь. Мои лихие казаки совершенно обессилели, поэтому я решил до следующего дня отложить продолжение нашего путешествия и велел разбить палатки.

Предварительно я прибавил несколько кусков цветной материи к тряпкам и лоскуткам всякого рода, развешанным алтайцами на кустах в знак благодарственной жертвы за благополучную переправу. Этот обычай, тесно связанный с религиозной поэзией души и с потребностями в таинстве, зачатки которых находятся в сердце каждого человека, вызвал во мне чувство невольного благоговения. В такой церемонии, по виду смешной, я увидел силу властного инстинкта, побуждающего как язычника в Азии, так и христианина из цивилизованного мира обратиться к высшему существу для выражения или радости, или скорби. Я наблюдал иерусалимских паломников в ту минуту, когда они, увидев впервые с высоты соседней горы Божий город (Иерусалим), с восторгом прибавляли скромный камень к грубому памятнику, воздвигнутому руками их благочестивых предшественников. Итак, среди сибирских льдов, на берегах Иордана, в пустынях Африки и под куполом собора Святого Петра — везде я находил человека одинаковым, когда он встречался лицом к лицу со своим Богом!»

Стоит поговорить об этом. Привязывание ленты — древний обряд «кыйра буулар». Есть целый ряд требований для человека, желающего исполнить этот обряд. В частности, он должен быть чистым, в его семье в течение года не должно быть смертей. Есть требования и по размеру ленты, и по цвету. Вешая ленточку, человек должен обратиться к природе, произнести алкыши — благопожелания, благословения, пожелания мира, счастья и здоровья всем своим близким.

Скажите, православные, если зайти в церковь со своей свечкой, которую купил в хозяйственном магазине, и поставить её к образу Господа нашего Иисуса, это оскорбляет верующих? Боюсь даже подумать про мечеть и синагогу. Понятно, что неуважение к религиозным ритуалам оскорбляет людей.

Почему современные туристы вешают на деревья шнурки и салфетки?

Могу ли я смиренно очищать деревья от скверны, которую оставляют туристы? Бабушки в храмах убирают огарки, и Святой Дух их не наказывает. Почему туристы вяжут всякое на деревья?

Если хотите загадать желание и отблагодарить духов — оставляйте деньги, переводите их в благотворительные фонды защиты дикой природы. Вы приезжаете на Алтай любоваться дикой природой? Она для вас и отдых, и место силы. Берегитесь, а то духи разгневаются и проклянут вас до 99 колена. Да благословит вас Ульгень за дела праведные, и накажет Эрлик за поступки мерзкие. Аминь! Поблагодарили духов — и поехали дальше.

«По мере того как продвигаешься по Катуню, отдаляясь от того места, где Ильгумень впадает в нее, совершенно исчезает та богатая, представляющая интерес для ботаника флора, которую мы наблюдали на левом берегу Катуня.

Итак, я снова мог видеть, как пышная растительность юга соседствует с бесплодными, унылыми местами, наводящими тоску.

Однажды чудным вечером, когда я сидел у подножия гранитной глыбы, наполовину скрытой густой листвой кустарника, и любовался пейзажем, сияющим свежестью и красотой, в душе моей пробудились воспоминания о благословенных местах в странах юга, где во время своих скитаний вечерами, оставив посох и котомку, я любовался величественным закатом солнца. Прелестные пепельно-голубые анемоны были похожи на цветы, которые весной украшают небольшие долины Италии, а жесткая и блестящая листва кизильника напоминала вечнозеленые деревья юга. Пока я предавался этим красочным воспоминаниям, я заметил на чашечках цветов акации и особенно караганы обыкновенной смертельные следы ночного инея. Солнце уже угасало на бледном, прозрачном небе, холодный ветер зашевелил листья, и мечта моя рассеялась. Я встал, завернулся в бурнус и грустно побрел к своей одинокой палатке.

— Нет, — сказал я себе, — там солнце заходит иначе, у неба там другие краски, и приближение ночи не является столь тревожным часом».

Алтай совсем не Италия. Взгрустнулось Петру Чихачеву на берегу Катунь.

Глава 3

Народности «Алтай-киши» и «Чуя-киши». «Кутай» — начало добра и «Шайтан» — начало зла. Жертвоприношения. Простота религиозных церемоний. «Абиссы». Индифференцизм в вопросах религии. Отсутствие фанатизма. Кара для идола. Изгнание злого духа из тела человека. Брачная церемония. Похоронный обряд. Робость алтайцев. Алтайцы и казачья сабля. Долина Салджара и ее геологическое строение. Величественная панорама Катунских Альп. Айгуланские и Чаган-Узунские Альпы. Известняки Карасу. Мергелево-песчаные осадочные слои реки Ини. Известняк, приподнятый сланцевидным диабазом. Поперечный разрез долины Ини. Кораллоносные известняки вблизи устья Ини. Переход сиенита в гранит и гнейс. Известняк вблизи устья Чуи. Различные сланцы. Семь «бомов» Чуи. Доломит Садак-кара. Доломит, диорит и слюдяной сланец; тесная связь между ними вблизи Теттехоя. Горная река Ягулак. Река Ярбалык. Растительность. Следы золота и киновари. Известняк Ярбалыка. Ископаемые, содержащиеся в известняке. Порфиры разных возрастов в окрестностях Бока. Горная река Бельгебаи. Ископаемые. Растительность. Доломитизированный известняк. Вероятное понижение температуры в некоторых районах Западной Сибири. Признаки золота и киновари в реках Чибит и Тайджелу. Русские избы.

В этой главе исследователь много времени уделяет геологии, я опять ее пропущу. Хотя для него это и была цель экспедиции, не за красотами Алтая ехал Чихачев. Хотя этнография и нравы коренного населения его тоже интересовали, это познавательная часть любого путешествия. Танцы и песни народов мира.

«Вечером, в день нашей переправы через Катунь, мы увидели, как нам навстречу во весь опор скачут всадники, гнавшие табун лошадей. Это зайзаны Чуи, давно предупрежденные о нашем прибытии, послали их мне для пополнения каравана. Лица и костюмы всадников были так характерны, что мои прежние телохранители из осевших по берегам Урсула племен, когда-то так сильно поразившие меня ярко выраженными монгольскими чертами, показались мне сейчас представителями европейской расы. Тем не менее это были алтайцы, говорившие на том же языке, т. е. на тюркском наречии. Западные и восточные алтайцы ничем не отличаются друг от друга и сами считают, что единственное различие между ними определяется местом жительства. Восточные племена называют алтайцев, обосновавшихся западнее Катунь, „Алтай-киши“ или „Катунь-киши“ (люди с Алтая или Катунь), тогда как эти последние своих восточных братьев именуют „Чуя-киши“ (т. е. люди с Чуи). Примечательно, что и те и другие самих себя называют „теленгитами“, хотя народ, носящий это имя, совсем другого происхождения и живет в окрестностях Телецкого озера. Несмотря на эту разницу, жители побережий этого озера называют алтайцев с Чуи „телеусами“. Что же касается общего и очень туманного обозначения „калмык“, единственно употребляемого русскими, то народы, к которым оно применяется, его совершенно не знают».

Мне кажется, что люди, населявшие Алтай, стали повсеместно называть себя общим именем «алтайцы» только после 1948 года.

Краткая административная история Республики Алтай с 1840 года выглядит так.

В XIX веке территория современного Горного Алтая входила в состав Томской губернии.

После Февральской революции 1917 года была образована Алтайская губерния с центром в Барнауле, и Горный Алтай вошел в ее состав. В этот период, в 1918 году,

был провозглашен Каракорум-Алтайский уезд. Позже, в 1921 году, был образован самостоятельный Горно-Алтайский уезд в составе Алтайской губернии.

В 1922 году было образовано первое национально-государственное образование — Автономная область Ойротского народа. Административным центром стало село Улала. С 1925 года область входила в состав Сибирского края, а с 1932 года стала называться Ойротская автономная область.

В 1948 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Ойротская автономная область была переименована в Горно-Алтайскую автономную область. В этом статусе она находилась в составе Алтайского края.

В 1990 году область была преобразована в Горно-Алтайскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (АССР) в составе РСФСР. В 1992 году республика получила нынешнее название — Республика Алтай.

Поэтому с 1948 года тубалары, челканцы, кумандинцы, алтай-кижи, теленгиты, телеуты, телесы стали называть себя алтайцами. Обо всем этом можно узнать в музее Горно-Алтайска. А Чихачев изучал всё в полевых условиях.

«Идолопоклонство алтайских народов, довольно грубое, сводится к символическому представлению начала добра — «Кутай» и начала зла — «Шайтан» (сатана). Лошадей, быков и овец, приносимых в жертву этим двум божествам, варварски умерщвляют: либо четвертуя, либо рассекая животному грудь и сжимая сердце рукой, чтобы прекратить его биение. Все это, однако, происходит с необыкновенной быстротой, и животное погибает мгновенно. Затем жертву поджаривают на огне и съедают. Эта вторая часть жертвенной церемонии совершается еще быстрее, чем первая, так что можно с полной уверенностью сказать, что если бы набожность алтайцев равнялась их непомерному аппетиту, то несомненно этот народ был бы святым. Религиозными церемониями руководят «абиссы». Так алтайцы называют своих священнослужителей. Последние не пользуются никакими привилегиями и по окончании ритуала включаются в обыденную жизнь, совершенно не считая себя выше других людей и не требуя никаких почестей. Таким образом, фанатизм почти полностью отсутствует у этих народов, и религия вообще играет у них второстепенную роль.

Примитивные представления о божестве, которому алтайцы поклоняются, заставляют их смотреть на приносимые жертвы как на некий договор, связывающий обе стороны взаимными обязательствами. И когда жертвоприношение не приводит к желанному результату, разъяренный алтаец иной раз весьма сурово расправляется с окружающими предметами. Он их ломает, сечет или топчет ногами, разбивает на мелкие куски большой барабан, однообразная дробь которого служит аккомпанементом к священным песнопениям абисса. Часто алтайцы перекладывают на последнего ответственность за нерадивость богов. Они верят, что все физические страдания исходят от шайтана, и считают, что для излечения болезней нет иного средства, как изгнание злого духа из тела больного. Для того чтобы этого добиться, они иногда прибегают к «хитростям». Так, один димиджи из племени чулышманов, сопровождавший меня, заболел оспой, вообще свирепствующей среди этих народов. Я был вынужден покинуть больного на чужой для него земле, где он не мог рассчитывать на гостеприимство «сойонов». Стараясь выразить ему свое глубокое сочувствие по поводу того тяжелого положения, в какое он попал в результате нашего долгого и сопряженного с опасностями путешествия, я распорядился положить на его импровизированную постель из листьев и травы несколько кусков сукна и красного бархата.

Этот народ считает, что самый великодушный человек не может преподнести ничего прекраснее такого подарка. Среди товарищей больного находился абисс, который, увидев столь великолепные дары, заявил, что нашел способ изгнать шайтана. Куски материи повесили на ветви соседнего дерева, и церемония жертвоприношения началась. Все направили взоры на

волшебный талисман, живописно резвившийся на ветру. Алтайцы были уверены, что злой дух, увидев предназначенные ему дары, немедленно покинет тело больного, чтобы схватить добычу, которая удовлетворит его алчность».

Не считая себя большим знатоком алтайской культуры, прочитав не так много книг по этнографии от Анохина до Потапова, не говоря о Вербицком, вижу, что Чихачев, как тот же христианский миссионер, с большим неуважением относится к верованиям местного населения и совсем не разобрался в шаманизме. Но да бог с ним. Он, как современный турист, не утруждает себя сложностями древних ритуалов. Думаю, что признаки этого высокомерия наблюдаются у туристов до сих пор. Но шамана им подай настоящего, наряженного.

Читать этнографические наблюдения Чихачева любопытно, они не вызывают раздражения.

«Хотя у алтайцев отношения между полами стоят вне зависимости от общества или религии и основываются на взаимном соглашении, но полигамия не носит у них такого исключительного и фанатического характера, как у мусульман. В большинстве случаев алтаец довольствуется одной женой, при этом не проявляя особой щепетильности по отношению к прекрасному полу.

Церемония брака очень проста. Родственницы невесты помогают ей надеть наряд. Одежда девушки мало чем отличается от мужской. Теперь же ее заменяют платьем, похожим на сарафан, который носят в России крестьянки; только рукава его подобны рукавам восточных рубашек. На голову невесты надевают головной убор несколько иной формы, чем прежний. Волосы, прежде заплетенные в множество косичек, теперь убираются в две косы. Вся одежда невесты переходит к женщинам, одевшим ее в свадебный убор. Принаряженную таким образом девушку передают жениху. На этом весь обряд закончен.

Если жених богат, то он обычно организует пир, причем число «пьяных» гостей служит мерилем его щедрости и того уважения, которым он пользуется среди своих соотечественников. Конечно, в качестве виноградной лозы Вакха на столе появляются кумыс, арака и водка, причем последняя считается у алтайцев большой редкостью, ибо они могут получить ее только у русских.

В случае многобрачия первая жена пользуется несколько большим уважением, чем остальные жены, но все дети — и от первого, и от последующих браков — занимают одинаковое положение в семье и имеют равные права на свою долю в родовом имуществе».

Это у алтайцев-то простая церемония брака? Три дня ритуальных мероприятий. Перенести огонь, нарядить невесту. Приезд родственников невесты, ответный визит родственников жениха. Подай чашу араки, поднеси блюдо с мясом. Позови дядю по матери и по отцу, пригласи тетю, и пусть они каждый занимаются своим делом, потому что это могут только они. Не знаю, как 180 лет назад, но современная русская свадьба со всеми ее выкупами и мордобоем — детский сад по сравнению с многосложным свадебным ритуалом алтайцев. Меня два раза звали на алтайскую свадьбу, кое-как увернулся. Я столько радости не переживу.

«Места отправления религиозных культов у алтайцев никак внешне не отмечены. Единственный их признак — шкуры лошадей, коров и быков, развешанные на длинных шестах, для того чтобы снискать благорасположение злого духа, или просить о некоторых милостях у Кутая, или отблагодарить его за те, которые уже получены. Эти необычные останки произво-

дят странное впечатление, когда находишь их среди пустынной равнины или на вершине голой скалы.

Не существует у алтайцев и могильных памятников. Тело скончавшегося одевают в обычные одежды, на голову надевают шапку, а ноги обувают в широкие сапоги, куда никогда не забывают положить трубку. Тело покойного вместе со сбруей коня кладут на землю, прислонив головой к седлу. Останки прикрывают камнями, чтобы защитить покойного от хищных зверей. Иногда над этим примитивным сооружением воздвигают длинный шест, к которому друзья и родственники прикрепляют небольшой железный цилиндрической формы сосуд, наполненный молоком или аракой. Можно быть совершенно уверенным, что этот скромный дар останется нетронутым».

Погребальный обряд алтайцев сильно изменился. Теперь это почти современные русские похороны. Поплакали, закопали, помянули, разошлись. Только последние годы, примерно с 2022-го, на кладбищах появилось много могил с флагами на высоких шестах. Поэтому следующее замечание Чихачева надо принимать с осторожностью.

«Характер алтайского народа отличается робостью и безобидностью. У людей, как и у животных, смелость определяется их поведением при виде незнакомого предмета или явления, способного сильно поразить чувства. Все — только в разной степени — волнуются при виде опасности. Однако инстинктивные средства защиты зависят от характера данного лица. Самые слабые и робкие неминуемо обращаются в бегство. Именно это проявление инстинкта характерно для алтайцев, испытывающих чувство хотя бы малейшего удивления или страха.

Врожденная боязливость этого народа достигает своего апогея при сношениях с европейцами. Алтайцы до такой степени бывают поражены неизмеримым превосходством последних, что одно присутствие европейцев совершенно подавляет их. Впрочем, нельзя отрицать, что все имеющиеся в распоряжении алтайцев сведения о европейцах не могли не поддерживать в них этого чувства. Они знали только воинственных и действительно сильных сибирских казаков, людей, ежедневно вступающих в борьбу с силами природы и постоянно выходящих победителями из таких страшных схваток, какие только может выдержать смертный».

Некоторые черты алтайского народа путешественник подметил верно, но, думаю, не понял. Алтайцы любознательны, но осторожны. Это не страх, а стратегия защиты. Не стоит переть на рожон, если впереди неизвестность; надо отойти и осмотреться. Не нравится мне высокомерный, имперский тон Чихачева.

В сборнике этнографических работ «Алтайские инородцы» протоиерей Василий Иванович Вербицкий в 1893 году пишет о характере алтайцев и рассуждает о том, что они ленивые. На самом деле он совершенно не понимал принципов хозяйствования, кардинально отличных от русского крестьянства. Также и Чихачев не понимает поведенческой культуры алтайцев и называет их наивную доброжелательность робостью.

«Я не припомню ни на Востоке, ни на Западе более интересных типов, чем казаки Восточной Сибири. Художнику наверняка нигде не удалось бы найти более разнообразной и замечательной натуры.

Когда мне нужны были лошади, и я отдавал распоряжение казаку достать их у какого-нибудь соседнего племени, он никогда не утруждал себя, а обычно ограничивался тем, что передавал свою саблю одному из алтайцев, который, с уважением неся на плече могучий талисман, отправлялся выполнять приказание. Придя на место назначения, он показывал

саблю представителям племени и передавал то, что ему было приказано. В случае отказа или отсрочки алтаец молча клал саблю на землю и временно удалялся. Результаты такой тактики не замедляли сказываться. Среди племени мгновенно распространялся слух о том, что появилась казацкая сабля. Все мужчины, женщины, дети и старики, преисполненные ужаса, в один миг убегались и сгоняли необходимое количество лошадей. Не успевал наш посланник вернуться за ответом, как алтайцы пригоняли лошадей, иногда даже в большем количестве, чем требовалось. При этом сабля почтительно возвращалась. Если же требование не могло быть выполнено, и сабля оставалась, то старейшина племени спешил сам вернуть ее обратно. Ничто в мире не заставит алтайца оставить саблю у себя. Он, скорее, готов провести всю свою жизнь в седле, так как он не столько боится требований казака, как той опасности, которой он подвергает свою семью, если у него останется страшное оружие, имеющее, быть может, таинственное свойство действовать самостоятельно от имени отсутствующего хозяина. После небольшого отступления относительно происхождения и нравов алтайцев я продолжу прерванное повествование».

И мы последуем за ним, а то про саблю автор рассказывает загадочные истории.

«2 июня примерно полтора часа мы шли вдоль правого берега Катуня. Местность здесь равнинная. Крутые берега скрывают реку от наших глаз, но глухой рев воды постоянно выдает ее близость. А с левой стороны от нас возвышаются горы.

Мы пересекли скалы, преграждавшие нам путь, и вновь очутились в прекрасной долине. Перебравшись затем через маленькую, почти высохшую речку Салджар, мы поднялись вверх по речке до самого ее истока. Это заняло у нас приблизительно полтора часа при постоянном, но не крутом подъеме. Долина Салджара, вероятно, часто испытывает недостаток в воде. Местами она чрезвычайно живописна, особенно там, где открывается вид на Салджарские горы, которые в бытность мою в этих районах еще были покрыты снегом.

Мы с трудом продвигались по лесу из кедра и сибирской лиственницы, но вскоре были вознаграждены за свои усилия. Когда мы достигли горного плато неправильной формы, образующего вершину лесистого гребня, по которому мы карабкались целый час, перед нашими глазами развернулась живописная картина. Вдали, справа от нас, с востока на запад, полукругом простиралась необозримая горная цепь, усеянная блистающими пиками, возносившимися ввысь в форме то пирамид, то усеченных конусов. Широкая серебристая полоса горных склонов, служившая им основанием, незаметно сливалась с лазурным оттенком всего фона. Особенно величественно выглядели два пика высотой по крайней мере 12 тысяч футов, называемые Катунскими столбами. В восточной части горной цепи пики вырисовывались наиболее четко. Это Айгуланские и Чаган-Узунские Альпы.

Возвращаясь мысленно к моим многочисленным странствованиям, я не мог припомнить более грандиозной, более великолепной картины. Мой художник постарался ее изобразить такую, какой она предстает перед глазами путника, если смотреть с северной части плоского-рья Салджар — отрога горной цепи того же названия».

У меня несколько вопросов: зачем лезть на хребет Салджар? Он не высокий, около 2000 метров, не выделяется, не дает большого обзора, хотя Чихачев рассмотрел с него Айгулакский хребет. Он стоит стеной перед рекой Чуя, и до нее Чихачеву осталось недалеко. Пока не понятно, что он называет Чаган-Узунскими Альпами — Северо-Чуйский или Южно-Чуйский хребет. Дело в том, что река Чеган образуется от слияния рек Аккол и Караюк, которые берут начало с Софийского ледника Южно-Чуйского хребта. И с этого ракурса Южно-Чуйский хребет не видно. Зато открывается Северо-Чуйский.

А Катунские столбы 12 000 футов высотой, то есть примерно 3600 метров — это однозначно Белуха. Если вылезти в исток реки Салджар, до Белухи будет 80 км, а в хорошую погоду ее видно почти со 150 км от Самультинского хребта.

Первое задокументированное упоминание о Белухе принадлежит путешественнику Петру Ивановичу Шангину. В 1793 году он записал рассказы о высокой заснеженной горе от местных охотников и жителей Уймонской долины. На карту первым её нанес Фридрих Август Геблер — врач и путешественник. В 1835 году он определил высоту 3352 метра, или 11 000 футов. На самом деле Белуха — 4509 метров. А Василий Сапожников (профессор Томского университета) в ходе экспедиций 1895—1898 годов провел детальную съемку ледников и составил первую подробную карту района Белухи. Я упоминал его книгу под редакцией Сергея Манского. Она сподвигла меня перечитать Чихачева.

Белуху много раз измеряли, давайте свернем с маршрута Чихачева и долетим до Белухи. Если воспользоваться вертолетом, это около часа от аэропорта Горно-Алтайска, если в интернете — мгновение.

Можно ли считать, что я был на Белухе, высочайшей горе Алтая, если вертолет подлетел к вершине, или надо постоять на пике? Стоять на макушке Белухи мне страшно, боюсь даже подумать о том, чтобы идти по гребню Делоне. А пролететь на вертолете между восточной и западной вершинами Белухи — 4509 и 4435 м — не страшно. Много раз я облетал гору с разных сторон. Белуха — красивая гора. У нее много названий.

Белуха, Ак-сюрю, Кадын-Бажы, Катун-бажи-юч-суюры, Мусду-туу Уч-Сумер, Уч-Айры, «Трехглавая», Катунские столбы, Сюмер-гора. Это написано в любом путеводителе.

Есть несколько книг, в которых описаны геология и география, растительный и животный мир, реки и ледники Белухи. Рерихнутые — поклонники учения Н. К. Рериха — верят, что он подходил к Белухе. Мистически настроенные экскурсоводы скажут, что местные жители не ходили на гору, потому что она священная, но туристам можно. Они бездуховные, пусть наберутся духовности, почерпнут энергию от горы. Все это мне известно.

Недавно прочитал в брошюре «Природно-культурные объекты и археологические памятники Республики Алтай» (Э. В. Екеев, Н. А. Константинов, Е. А. Константинова, А. В. Эбель; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2015) следующее: «По мнению некоторых информантов, сакральная гора Белуха — Кёкё-Мёнкү (Голубая вечность). Легенда гласит, что средняя вершина — это голова богини Умай, а две поменьше — головы дочерей. А её муж — Хозяин Алтая — отправился к богу Ульгеню за помощью, чтобы спасти всех от лютого холода, наступившего на Алтае из-за рыбы Кер-Дютпа (Кер-Јүтпа), держащей на своей спине Землю, которую она по какой-то причине наклонила, что и вызвало холод».

Мне понравилось название — «Голубая вечность», очень поэтично. Там же есть упоминание, что: «С Белухой связано представление алтайцев о приходе Спасителя. Его миссия возлагалась на Ойрот-хана, другое его имя — Амыр-Сана. По преданию, Ойрот-хан должен прийти, „когда упадут три снежные сопки, из которых Катунь берёт своё начало“».

Чтобы больше узнать про Ойрот-хана, следует прочитать про Бурханизм. Но он явился на Алтай только в 1904 году.

Гора Белуха с 1996 года имеет статус памятника природы Алтая. В 1998 году включена в список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Она является центром природного парка «Белуха».

Все уважают гору Белуху — и альпинисты, и туристы, и местные жители. Но вот что еще я узнал о горе. «Гора Мустаг некогда имел жену Кадын-Бажы (г. Белуха). Кадын-Бажы ушла от мужа Мустага из-за того, что Мустаг был слишком вшивым». Теперь живите с этой информацией. Даже не знаю, что сказать по этому поводу. Иногда я предупреждаю гостей, что Белуха — дама с характером.

В предыдущем отрывке Чихачев пишет: «Мой художник постарался ее изобразить на приложенном при сем рисунке». Картинку я не могу показать. В фотокопии русского издания она в ужасном качестве. А взять из французского боюсь, вдруг нарушу авторские права.

Имени художника мне пока в книге не встретилось. Но простой поиск дает интересный ответ.

Экспедицию Петра Чихачева на Алтай в 1842 году сопровождали два художника из Санкт-Петербурга: Егор Егорович Мейер (1822—1867) и, барабанная дробь! Иван Константинович Айвазовский (1817—1900). Мейер — молодой художник, еще учился в Академии художеств. Его задача заключалась в создании документальных зарисовок с натуры.

При проверке оказалось, что известный маринист Айвазовский не участвовал в экспедиции. Литографский рисунок «Привал в долине Алаша (Тува)», он сделал по просьбе Чихачева с рисунков студента.

Меня давно интересует изобразительное искусство, а картинки Алтая особенно. Я много об этом писал. Есть отдельный материал о Чорос-Гуркине, о Чевалкове, о Рерихе и даже об Аткинсоне. И главу из его книги я разобрал очень подробно. Отвлечемся от Чихачева на три минуты.

Много раз я встречал упоминание о путешествии иностранцев на Алтай. Например, Томас Уитлам Аткинсон в 1844 году предпринял путешествие через Урал к Алтаю.

А свои путешествия Томас Аткинсон описал в иллюстрированных сочинениях «Восточная и Западная Сибирь» (англ. *Oriental and Western Siberia...*; Лондон, 1858). Во всех источниках пишут, что он был архитектором и художником. Мне стало интересно посмотреть его работы по Алтаю. Прочитав книгу, я нашел описание путешествия по Телецкому озеру.

Аткинсон пишет: «Несколько раз меня вытаскивали на берег и ставили на выступ скалы, что дало мне хорошие точки для набросков». В другом месте сообщает: «В то время я делал наброски. Вид на эти горы прекрасен».

Но в главе о Телецком озере всего два изображения. Первое — «Калмык на отдыхе», калмыками тогда называли всех алтайцев. А второй рисунок автор подписал — «ALTIN KOOL». Я могу ошибаться, возможно, но мне не знакомо это место, а я хожу по озеру более 40 лет.

В тексте Аткинсон точно описывает места на Телецком озере, но некоторые описания вызывают удивление. Например: «Вскоре достиг Тмек-таша, — скалы, образуя точку, где озеро поворачивает прямо на юг. Это было упомянуто мною как лучший вид на озеро, и оно поистине грандиозное. Наши каноэ были закреплены в защищенное место. Затем мы поднялись на вершину Тмек-таш, или Каменный сундук, — названный так из-за своей квадратной формы».

Мне показалось, что речь идет о мысе Куан, но я не встречал, чтобы его называли Тмек-таш. Иногда на картах пишут название соседнего мыса Кок-таш, но с

этого места не видно южной части озера. Название Тмек-таш может быть неточным переводом, сделанным еще в те далекие времена, потому что иногда гугл-переводчик видит название реки Чулышман как «Чулишачеловека». Такая смешная идея мне в голову не приходила. А сундук на алтайском языке — кайырчак. И в топонимическом словаре Молчановой нет упоминания места Тмек-таш.

По географической логике нет другого места, откуда сразу открывается вид на южную часть озера, потому что автор сообщает: «Мы снова сели в каноэ, миновали Тмек-таш и вошли в большую часть озера».

И в других описаниях автора мне трудно определить места, хотя он почти точно их указывает: «Представляет собой глубокое круглое углубление в Кара-Корум гора, в которую впадают три ручья. Они едины на вершине могучей пропасти, а затем обрушиваются вниз в череде падений, пока не достигнут массы камней, лед, под которыми вода проходит, и, наконец, устремляется через естественную арку и впадает в озеро, где в этом месте она упирается в пропасть».

Стоит обратить внимание на ледяную арку: такое действительно часто случается, помню арки на реке Муза или на водопаде «Девичьи слезы», но Атkinson упоминает Кара-Курум, а это между рекой Малые и Большие Чили.

Томас Атkinson несколько раз сообщает читателям, что «Пейзажи на этой части озера носят в высшей степени дико романтический характер. Пейзажи на этой реке стоят всех трудов долгого путешествия, в Европе нам не с чем сравнивать». Можно предположить, что у Атkinsonа есть отдельный альбом с рисунками Алтая, но, к сожалению, я их не обнаружил. Где-то должны быть рисунки Телецкого озера, потому что художник оставил восхищенные воспоминания: «Пейзажи на этой части озера носят в высшей степени дико романтический характер. Путешествие вокруг этого озера, — несомненно, одно из самых красивых».

Мне знакомы многие изображения Телецкого озера в работах художников. Простите, но я крупный специалист в области изобразительного искусства. Обычно художник, делая наброски или этюды с натуры, изображает точное очертание гор. Но в работах английского художника я не узнаю Телецкое озеро.

Чихачев и Атkinson путешествовали по Алтаю почти в одно время. Один в 1842-м, другой в 1844-м.

Извините, не мог пропустить момента и не рассказать попутно об Атkinsonе. А Чихачев продолжает движение.

«За полчаса мы спустились с горы по ее южному склону и затем десять минут следовали вдоль небольшой горной речки Карасу. Она привела нас к прекрасной долине, окруженной со всех сторон пирамидальными округлыми горами, покрытыми травой и хвойными деревьями.

Небольшую долину Карасу поперек пересекает горная речка Иня. Мы переправились через речку почти у устья. Великолепные лавролистные тополя, растущие на ее берегах, бросают живительную тень. Следуя примерно десять минут вдоль левого берега Ини, я был поражен совершенно неповторимым видом ряда желтоватых холмов, очень резко выделявшихся на фоне снежных гор».

Далее, до слияния с Чуей, Чихачев описывает горные породы.

«Мы часто пробирались по узким тропинкам, заваленным глыбами, среди которых живописно поднимается масса зеленеющих кустов. По обе стороны Катуня расположены пласты конгломерата, очевидно образованного из пород смежных горных склонов.

В непосредственной близости от устья Чуи горы на правом краю ложбины представляют собой очень интересное геологическое явление. Это изолированная масса доломитового известняка, залегающего, вероятно, на сиените. Не обладая значительной мощностью, известняковый осадочный слой образует нечто вроде коры или, скорее, покров, простирающийся неровными складками на западном склоне горы от подножия до вершины».

И так далее, пока не подошли к Чуе.

«Река течет здесь по живописной ложбине, довольно широкой и почти ровной. Мутная, желтая Чуя очень похожа на Катунь в месте нашей переправы. Но она не так быстра, как Катунь. Мощные пласты конгломерата образуют ее довольно крутые берега. Вскоре мы очутились перед первым «бомом» Чуи. Так называют те места, где горы, сжимая русло реки, дают возможность пройти только по опасной тропе, как бы повисшей над скалами, часто совершенно перпендикулярно водному потоку.

Однако существующие описания опасностей этого пути показались мне несколько преувеличенными. Трудности значительно уменьшаются, если идти пешком, а не пробираться верхом по узкой и скользкой поверхности скалы. Так обычно поступают алтайцы, флегматичность которых не позволяет им сходить с лошади. Впрочем, здесь не знаешь, чем восхищаться — невозмутимым ли спокойствием этих людей или действительно необыкновенной ловкостью их лошадей, которые, как серны, карабкаются, скользят и цепляются, не теряя уверенности и никогда не колеблясь в то время, как только оступишься — и им и всаднику грозит неминуемая гибель».

Когда туристы едут по Чуйскому тракту, им обязательно расскажут, с какими трудностями встречались путешественники до строительства дороги. Тут вспомнят «правило шапки», когда караванщик преодолевал бом и клал шапку — своего рода красный сигнал светофора, говоривший, что дорога занята. Можно вспомнить писателя Шишкова, памятник которому стоит недалеко от Горно-Алтайска. В 1909 году он принимал участие в проектировании тракта.

Чихачев идет вдоль Чуи в те времена, когда слова «автомобиль» еще не было.

«На расстоянии получаса хода от первого «бома» находится второй, гораздо менее опасный. Мы выходим на прекрасную равнину, по которой идем около двух часов. Поток, низвергающийся в бездну, течет по глубокому руслу и часто скрывается от глаз. Вскоре наш путь преграждает гора. Приходится перебираться через высокий гребень по труднопроходимой тропе, особенно опасной для выючных животных. Справа от нас, в глубоком провале, змеятся пенистые воды Чуи. Здесь находится третий «бом».

Пройдя его, мы вновь спускаемся на равнину и продвигаемся по ней в течение двух часов. Здесь можно встретиться с большим неудобством — полным отсутствием питьевой воды: мутные воды Чуи не могут ее заменить.

На Алтае, где шум рек постоянно утомляет слух, где всюду струятся хрустально чистые, освежающие, холодные как лед ключи, удивительно даже минуту мучиться жаждой. День выдался очень жаркий, и нам не терпелось добраться до того места, где, как нам говорили, бьет небольшой источник, именуемый Карасу и находящийся в трех четвертях часа ходьбы от четвертого «бома». Учитывая рискованность продвижения по «бому» ночью, мы заночевали вблизи Карасу.

Соседство этого небольшого потока оказывает ощутимое влияние на весь облик местности. Горы приближаются к Чуе. Долина и берега реки покрыты великолепными лавролистными

тополями, соснами, березами и др. Сквозь зелень вырисовываются ярко-желтые чашечки блестящих легких цветов; это мощные кусты желтой акации.

Журчание ручья вызвало во мне чувство, уже столько раз испытанное во время странствий по Востоку, когда после долгого перехода по выжженным палящим солнцем местам глаз улавливал вдали искрящуюся прозрачную струю фонтана. С какой горячей благодарностью я благословлял милосердную руку, приготовившую такое благодеяние неизвестному путнику! Ведь на Востоке сооружение фонтана, особенно в пустынных местах, считается актом человеколюбия. Правда, в пустынных районах Алтая никогда не приходится воздавать дань уважения трогательной патриархальной филантропии. Здесь сама природа как бы взяла на себя заботу о путнике. Кажется, она ничем не хочет поделиться с людьми и намеревается заставить их видеть только в ней единственный источник надежд и наслаждений».

Какой восхитительный лиризм накатил на Петра Александровича вечером 4 июня.

«Пройдя по гладкой равнине, мы подошли к четвертому «бому». Он тянется только по одной стороне реки, а другой берег почти совершенно плоский. В месте, расположенном между небольшими речками Едра и Садакнар, в породе видно много жил железного блеска и белого калишпата.

Спуск был чрезвычайно тяжелым, особенно для выючных лошадей, которых подталкивала тяжесть груза, так как им приходилось спускаться по почти совершенно перпендикулярному склону с напряженно вытянутой вниз шеей.

Едва бедные животные немного отдохнули от тяжелого спуска, как через полчаса мы уже достигли пятого «бома» Чуи, через который, однако, перебрались с меньшим трудом и опасностями. Противоположный берег совершенно отлогий. Путь вскоре вновь привел нас в горы, и, перейдя реку Садакнар, мы были вынуждены взбираться на значительную высоту.

Садакнар дает удовлетворительные результаты на золото. При промывке переносимой рекой породы установлено, что она состоит из сланцеобразных граувакков, диорита, слюдяного сланца и кварца. Среди золотых песчинок было довольно большое количество маленьких красных круглых зерен, показавшихся мне киноварью, и несколько блестящих пластиночек, напоминавших железный блеск».

На протяжении всего маршрута Чихачев делает промывки породы в поисках золота. И его можно понять: у него задание, разведывательная миссия.

«Переход через эту интересную гору занял больше часа. Затем мы приблизились к шестому „бому“, скалы которого покрыты прелестными растениями волосистого проломника и чины. Вскоре после него мы достигли седьмого, и последнего, „бома“, расположенного приблизительно в часе хода от речки Теттехой. „Бом“ этот состоит из слюдяных сланцев, которые образуют призматические колонны, отвесно спускающиеся к реке. Между щелями и неровностями этих колонн мы с трудом проскользнули с лошадьми».

Придется скорректировать названия рек. Едра на карте — Иордушка. За ней ручей Сертек, потом речка Сатакулар. Следующая — Тутугой, и за ним ручей, на котором водопад Девичьи слезы, он же Ширлак.

«Вскоре, перебравшись через Теттехой, мы увидели небольшое поле, засеянное ячменем, вероятно, единственным злаком, который произрастает в этой местности. Это был первый след земледелия, который нам повстречался в долине Чуи. К сожалению, это поле не вызы-

вает у путника ни чувств, ни понятий, связанных с земледелием, и он тщетно стал бы искать вокруг крышу гостеприимного дома или какое-нибудь живое существо, способное почувствовать потребность в общественной жизни. Чахлые злаки, призванные к жизни случайной прихотью, уже на следующий год сменяются высокой травой, которую будут топтать медведи и дикие бараны. Здесь урожай не служит предметом надежд и забот опытного сельского хозяина. Единственное, что кочевой алтаец ожидает от поля, это горсть ячменя, которая будет кочевать вместе с юртой далеко от поля, ее взрастившего. Алтаец даже не узнает этого поля, а то, может быть, никогда и не увидит его. Поджаривая собранные зерна, чтобы прибавить их в свой чай, он не думает, что ячмень может удовлетворять самые насущные потребности человека. Ячмень, считает алтаец, это предмет роскоши, без которого даже можно и обойтись. Он ничем не обязан своему полю, и оно ему ничего не напоминает. Они не то, что народы-землепашцы: для алтайцев земля не является могилой отцов и предков и колыбелью детей».

Выгужден опять опровергать путешественника. Жаль, что я не понимаю в геологии. Может, Чихачев такой же геолог, как этнограф? Подумайте сами: если традиционный напиток алтайцев — алтайский чай, который готовят из талкана, а это обжаренный и молотый ячмень, плюс в рационе есть несколько блюд из талкана, то как можно обойтись без ячменя?

Чихачев везет с собой мешок кофе, хотя мог бы и обойтись. Кофе — это точно заморская роскошь. Но алтаец не может без традиционного чая. Плюс алтайцы не кочевники в примитивном европейском понимании; правильно это называется отгонное скотоводство: алтайцы кочуют в одной местности, переходя на 10—15 км в сезон: летом, осенью и зимой. Так что к своему полю они вернутся. И наконец, «земля не является могилой отцов и предков и колыбелью детей» — следует открыть любой алтайский эпос, а таких героических сказаний в поэтической форме около 70, и прочитать:

«Живут две девушки-сестры. Огромный солнечный увал отцом, взрастившим их, зовут, одну из нежно-лунных скал вскормившей матерью зовут. Над сестрами каана нет, чтоб затмевал собою свет».

Это из эпоса «Очы-Бала». Сразу видно: у алтайцев земля, род, мать, отец и дети — это единый глубоко почитаемый мир.

Я все больше начинаю наезжать на Петра Чихачева. В 1842 году ему 34 года и он «мажор». Познакомьтесь с его биографией.

Пётр Александрович Чихачев (1808—1890) родился в семье начальника города Гатчины и дворцового управления. Мать — Анна Фёдоровна, урождённая Бестужева-Рюмина.

Получил домашнее образование в Царском Селе у профессоров местного Лицея. Учился в университете, продолжил обучение за границей, слушая лекции геологов и минералогов.

В 1830 году поступил на службу в дипломатический корпус. Находясь при миссии в Константинополе, совершал поездки в Малую Азию, Египет, Сирию и Грецию. В 1841 году опубликовал первые научные работы по геологии Италии и Франции.

С апреля по октябрь 1842 года в сложнейших условиях Чихачев провёл исследования в Алтае-Саянской горной области. Это мы как раз и исследуем.

В 1847—1863 годах Пётр Александрович атташе в Константинополе. В 1876 году был избран почётным членом Петербургской Академии наук. Умер в Италии на 83-м году жизни.

Мне нравится русская аристократия, но некоторые ее представители явно заражены имперскостью. Знали бы они, как это оскорбительно звучит в современных либеральных кругах.

По коням. Двигаемся далее.

«По мере приближения к реке Ягулак долина Чуи становится все более дикой и живописной. Горы то подступают, то отдаляются от потока, вырисовываясь волнистой линией или возвышаясь остроконечными пиками.

Берега Чуи здесь довольно высоки и удивительно ровно обтесаны, так что бурные волны текут как бы по дну искусственно вырытого гигантского канала. Еще более подчеркивают этот резкий контраст с диким обликом местности симметричные ряды прекрасных сибирских лиственниц, кедров и лавролистных тополей, расположенные в низовьях реки. Можно подумать, что перед нами раскинулся лесок, специально посаженный и выровненный по ниточке рукой опытного лесовода. Фон картины создают темные горы, частично покрытые снегом, и высокие горные плато, туманные контуры которых едва виднеются на далеком горизонте».

Одно уточнение. Ягулак — это река Айгулак. Ай-Кулак (Айгулак): ай — луна, месяц; в переносном смысле «маленький»; кулак — ухо. Буквально это «луна-ухо» или «маленькое ухо».

Как сильно меняются названия, транскрипции, написание! Это увлекательная наука. У меня есть пример с речкой Карабель. В одной туристической схеме я прочитал «речка Корабельная». Есть разница: Карабель — «Черная седловина», то есть маленький лесистый перевал, с которого бежит река, или строительство кораблей.

Короче, на пути у экспедиции — река.

«Подступы к реке Ягулак отличаются особенно богатой растительностью. Повсюду пышно цветут ирисы и пионы. Медленно продвигаясь по довольно удобной тропинке, змейкой, выходящей среди скал, мы дошли до пенистого Ягулака и переправились через него. На небольшом расстоянии от реки с вершин отвесных скал низвергается красивый водопад, образовавшийся в основном в результате таяния снегов. Мы увидели его еще вдали, когда он серебристой струйкой выделялся на фоне густой зелени. Среди растений следует особенно отметить прекрасный сибирский водосбор и оному».

Видимо, экспедиция шла быстро, и Чихачев не успел разобраться в названиях рек, а может, это трудности перевода: ведь книга сначала издавалась на французском, и писал он ее по-французски. Вы же понимаете, он младше Пушкина всего на 9 лет.

Водопад, который они увидели, находится на другой речке. От водопада до Айгулака два с половиной километра, а до следующей реки — больше пяти. Эти места исхожены мной не раз. Это напротив легендарного порога «Бегемот», где проходят соревнования по сплаву «Чуя-ралли». Первый раз я гонял там на катамаране в 1985 году.

«Оголенное плоскогорье, окруженное горами диоритового и слюдяного сланца, на некоторое время прерывает зеленую, свежую растительность долины, но она вновь становится живописной, сохраняя при этом в своем облике строгость и дикость, характерные для альпийских долин Алтая. К сожалению, начавшийся сильный дождь, предвестник грозы, опасный сильным подъемом уровня воды в горных реках, заставил нас двигаться форсированными темпами. Поэтому я не имел возможности достаточно внимательно изучить минералогическую

природу глыб и щебня, препятствующих нашему движению. Однако мне показалось, что я заметил среди них несколько кусков вулканического порфира».

Слово «порфир» мне известно. Вазу из каргонского порфира Колыванского камнерезного завода в 1806 году император Александр I преподнес Наполеону в ответ на подарок после заключения Тильзитского мира. Порфир высоко ценится за декоративные свойства и прочность. Колыванский завод был основан в 1802 году на территории нынешнего Алтайского края. Хорошая находка.

«Вскоре мы достигли реки Ярбалык и с некоторым трудом переправились через нее. Наши лошади все время натыкались на булыжники и острые глыбы, засорившие русло и еще более мешавшие бороться с течением. На обоих берегах и на ближайших горах я нашел в полном цвету следующие растения: сомнительная валериана, лапчатка, левкой, обыкновенная ожика и двудомная кошачья лапка».

Люблю биологов: у них тонкий юмор. Как вам — «сомнительная валериана»? А есть еще валериана русская, гималайская и лекарственная.

Кошачий пир.

«На небольшом расстоянии от Ярбалыка, слева от нас, возвышается массив черного известняка. И в Ягулаке, и в Ярбалыке следы золота очень незначительны, но зато много зерен киновари.

Породы на вершине горы или в верхней ее части содержат много великолепно сохранившихся зоофитов. Кроме прекрасных стеблей *Encrinites* и нескольких обломков спирали раковины *Turricula*, я собрал там великолепные экземпляры *Calamopora alveolaris*. Зоофиты здесь довольно значительных размеров и имеют иногда от двух до трех дециметров в диаметре и столько же в высоту. Конечные отверстия каналов (пяти- и шестиугольные), так же, как и все наружные их поверхности, очень хорошо сохранились. К сожалению, невозможно отделить ни одну из стенок, образующих зоофит, и рассмотреть его внутреннее строение. Впрочем, зоофиты, которые мне удалось собрать, не имеют на своей внешней поверхности выпуклости или утолщения, которые характеризуют *C. favosa*. Иногда можно заметить маленькие отверстия, расположенные по углам призматических трубок, а также на внешних поверхностях. В той же местности, кроме этого крупного вида ископаемых, я наблюдал более мелкие экземпляры (всегда очень приплюснутые) *C. gothlandica*, но мне ни разу не удалось найти малейших следов двустворчатых раковин».

Теперь я знаю, где искать древние ископаемые. Зоофиты — устаревшее название, применявшееся для обозначения беспозвоночных животных, которые обладали рядом черт, считавшихся признаками растений. Зоофитов считали промежуточной формой между растениями и животными. В современной науке термин вышел из употребления. Не путайте с зоофилами.

«В этих местах Чуя разделяется на несколько рукавов, образуя островки. Река сильно разливается: ее воды заполняют все пространство, заключенное между двумя параллельными горными заслонами. Зато русло становится мельче, и здесь можно без всякой опасности перейти Чую вброд.

Вблизи реки Бельгибаш горы отдаляются, оставляя прекрасное, почти совершенно круглое плато. Одновременно изменяется и становится очень разнообразным геологический характер гор.

Окрестности Бельгибаша также меняют облик и становятся похожими на степь. Леса редеют, кое-где растет невысокая трава. Единственные растения, которые я видел в цвету 4 июня, это ирисы, анемоны, незабудочник, змееголовник поникающий и лядяник душистый. Несколько кедров и лиственниц украшают правый край долины, тогда как противоположный совершенно лишен какой-либо древесной растительности. Удлиненные массивы близлежащих гор, имеющих однообразные и тяжелые очертания, точно высечены из цельного камня, боковые поверхности гладкие, гребень округлый. Местами еще лежит снег, и даже у самого подножия. Справа от нас сквозь облака поднимаются остроконечные вершины гор, все белые от снега. Несмотря на яркий, солнечный день, становилось все прохладнее: сами того не замечая, мы забирались все выше и выше».

Река Бельгибаш и сегодня бежит в Чую, а далее Чихачев упоминает речку Сарытуман, на современных картах она называется Сардыма и находится на въезде в село Чибит. Главная достопримечательность Чибита — дом олигарха, выстроенный в стиле псевдославянского фэнтези. Выглядит интересно.

«Идя по плоскогорью, окруженному массивами метаморфических пород, мы достигли другого плато, столь же оголенного и унылого. Справа от нас протекает река Менту, неглубокое русло которой завалено булыжником и галькой. Несколько лиственниц и сосен оживляют берега Сарытумана. Для нас было приятной неожиданностью увидеть неподалеку несколько юрт.

Близость человеческого жилья в этом пустынном месте, большие стада, блеяние овец и коз — все рождало радостные, теплые чувства. В то же время было трудно понять, как этим капризным животным может хватать того небольшого количества травы, которая в этих местах произрастает.

Чем дальше мы идем, тем больше проявляется северный характер местности. Солнце ярко сияет, а нас, закутанных в плащи, насквозь пронизывает холод. Нельзя даже вообразить, что календарь показывает 5 июня. Мощные кусты белой акации, сопутствовавшие нам так долго, совершенно исчезают. Остается только мрачная зелень хвои. Редкие экземпляры даурского рододендрона поднимаются среди болот, где находятся истоки Менту. Я счел себя счастливым, когда после долгих поисков мне все же удалось найти мучнистый первоцвет, альпийский княжик, хвойник и цельнолистный крестовник».

В районе Чибита давно не живут в юртах, это приличная деревня в котором обитает 550 человек, супермаркета пока нет, но до крупного населенного пункта Акташ всего 5км и там всё есть. И дорога уводит нас от Чуи вдоль реки Мёнка.

«С большим удовольствием я увидел громадное количество остролодок и астрагалов, которые образуют пестрый ковер у подошвы известняковых гор и на поверхности горного плато Менту. Я поспешил заполнить этими растениями свою коробку, совершенно пустую до сего дня 6 июня: так поздно просыпается от долгого зимнего сна флора этих высоких плоскогорий.

Мы пересекли довольно большое болотистое пространство, откуда берут начало небольшие ручьи, образующие речку Менту, и вновь поднялись на голое и пустынное плоскогорье. Безднадежность и пустынность, свойственные плоскогорью, усиливаются колоссальными, покрытыми снегом горными массивами, поднимающимися на горизонте. Это Айгуланские Альпы.

За исключением небольшого ручья Чибит, ни в каком другом месте мне не удалось найти в достаточном количестве следы золота. Небольшие частицы (примерно 1/5000 грамма), содержащиеся в рыхлых скоплениях разрушившихся горных пород и органических остатков, оказа-

лись самыми значительными. Они встречались в соединении с несколькими зернами киновари и граната».

С гранатом всё ясно. Я находил его на берегу Чулышмана и Башкауса. Гранаты ценятся как драгоценные камни. Их темно-красные кристаллы напоминают зерна плода граната, откуда и пошло название камня — от латинского *granatus* — «зернистый».

Так как Чихачев — геолог, я ожидал, что он подробнее остановится на драгоценных камушках, но он прошел мимо.

А киноварь — совсем другая история. Это не просто минерал, а основная руда для получения ртути. Её ярко-алый цвет и ядовитость сделали её одним из самых неоднозначных минералов. Вся ртутная история на Алтае разворачивалась рядом с поселком Акташ.

В середине 1930-х годов стало ясно, что здесь промышленно значимые запасы, но инфраструктуры для добычи не было. 18 декабря 1941 года было принято срочное решение организовать добычу. Так появился Акташский рудник.

Уже в марте 1942 года была получена металлическая ртуть. За годы работы с 1942 по 1990 год было переработано около 1 миллиона 350 тысяч тонн руды, из которой получили примерно 3700 тонн ртути.

В 1990 году месторождение признали отработанным, добычу руды прекратили, окончательно все работы остановились к 2004 году.

Территория рудника давно заброшена. Доступ к некоторым объектам ограничен из-за опасности.

Поселок Акташ, с алтайского — «белый камень», находится на 788-м километре Чуйского тракта. До 1994 года имел статус поселка городского типа, но сейчас это обычное сельское поселение.

В 1989 году, в период расцвета рудника, здесь проживало около 3600 человек. После закрытия предприятия и передислокации Пограничного управления основные занятия местных жителей — ведение личных подсобных хозяйств, работа на дорожном строительстве и обслуживание туристов. В поселке сохранились больница и школа.

Акташ стал популярной туристической точкой. Среди главных природных достопримечательностей — так называемое «Гейзеровое озеро», а также вышка на горе — Акташский ретранслятор, служащий отличной смотровой площадкой на высоте около трех тысяч метров, откуда открываются вид на Курайскую степь и горные хребты.

Климат в Акташе суровый: зимы холодные и малоснежные, лето короткое и прохладное, с частыми заморозками в июле.

На въезде в поселок стоит обелиск в честь горняков, трудившихся на Акташском руднике.

Так что Чихачев нашел алтайскую ртуть и пошел дальше.

«Мы пересекли плоскогорье за полчаса, прокладывая путь среди колоссальных нагромождений обломков скал, сильно препятствовавших движению.

Спустившись в прекрасную долину, справа от себя мы снова увидели Чую, которую совсем уже было потеряли из виду. Характер ее совершенно изменился. Это уже не тот бурный поток, пенистые волны которого сдерживались крутыми горными заслонами. Здесь река лениво катит свои волны среди низких берегов. В то время, когда я проходил эту местность,

а именно 7 июня, растительность еще почти совершенно отсутствовала и злаки предыдущего года печально покачивали мертвые, бесцветные стебли.

У правого края равнины видны покрытые снегом гребни Айгуланских Альп, которые показались вдали еще накануне и к которым мы теперь приближались. Один из главных отрогов этих Альп называется Мейгач-Оюк. Он представляет собой почти сплошную массу снега. Однако алтайцы, сопровождавшие меня (в их числе был один старый охотник, особенно хорошо знакомый с местностью), уверяли, что только последние пять-шесть лет снег совсем не тает на гребне этой горы. Они все прекрасно помнили то время, когда каждое лето под солнечными лучами совершенно исчезал снежный покров. Если еще упомянуть, что хвойные леса в этой местности гибнут не только от страшных лесных пожаров (примеры приведу ниже), то можно предположить: прогрессивное понижение температуры в этих районах вызвано сокращением площади леса вследствие беспечности или преступной глупости населения. Эта гипотеза подкрепляется еще и следующими фактами: меня уверяли, что несколько лет тому назад на берегах Сардума культивировали ячмень. Однако в настоящее время, как единогласно утверждают местные жители, не удастся выращивать этот злак, и я действительно нигде его здесь не видел; каждую весну в долине реки Чуи находят громадное количество трупов оленей и каменных баранов, погибших от холода. Охотники утверждают, что в высокогорных районах этих животных становится все меньше и меньше. Замечено, что животные спускаются в более низкие области в поисках менее сурового климата».

Судя по маршруту, Айгулакский хребет остался у Чихачева сзади. Что он называет Айгулакскими Альпами, мне не понятно. Скоро перед ним должен во всей красе засиять ледниками Северо-Чуйский хребет.

Мунгаш-Ойык (он же Мунташ-Ойык) буквально переводится как «закрытая, загражденная выемка; котловина, лог». Предположу, что это ущелье в районе недостроенной Акташской ГЭС. Хотите, расскажу обо всех гидроэлектростанциях Алтая — о достроенных и задуманных? Хорошо, не буду.

Удивительно, как за 184 года изменилась погода. За последние 30—40 лет ледники на Алтае значительно сократились, весь мир кричит о глобальном потеплении. Тут бы включить конспирологию, но наука говорит, что глобальное похолодание в 1840-х годах было не отдельным событием, а одним из финальных, отчетливо выраженных холодных эпизодов в рамках «Малого ледникового периода», который продолжался с XIV по XIX век. Этот период стал одним из самых холодных за последние 2 тысячи лет.

Согласно 35-летним климатическим циклам, выделенным швейцарским географом Э. Брюкнером, холодные периоды приходятся на 1836—1850 годы.

Основной причиной похолодания в этот период считается повышенная вулканическая активность. Крупные извержения выбрасывают в стратосферу огромное количество серы и пепла, которые создают «экранирующий слой», отражающий солнечный свет и вызывающий глобальное похолодание. Один из периодов мощных извержений, вызвавших похолодание, пришелся на 1809—1831 годы. Его эффект мог сохраняться и влиять на климат в последующие десятилетия, включая 1840-е.

Поэтому старики что-то помнят. Даже я помню, до какого места доходил ледник Актру. Ущелье Атру как раз напротив того места, где мы остановились, изучая путь Чихачева. Но пора двигаться.

«Мы снова отдаляемся от Чуи. Она остается справа от нас. Мы же направляемся по тропинке, ведущей в горы. Подъемы и спуски чередуются в течение двух часов. Местность продолжает оставаться такой же печальной и бесплодной. Древесную растительность представ-

ляют лишь несколько засохших сосен. Когда же мы стали спускаться с пустынного плоскогорья, то окончательно перенеслись в северный край: перед нами раскинулась обширная равнина, по которой, причудливо извиваясь, протекала Чуя; равнину окружали горные заслоны ослепительной белизны, а позади нас во всем своем величии возвышались серебряные пирамиды Алатау; вечные снега блистали на горизонте».

Наконец экспедиция выбралась на простор Курайской степи. Сейчас село Курай расположено на 826-м километре Чуйского тракта. Население около 450 человек.

Курайская степь — межгорная котловина, расположенная между Курайским и Северо-Чуйским хребтами. Высота 1500—1600 метров над уровнем моря. Длина около 25 км, ширина 15—20 км.

Название «Курай» происходит от монгольского слова «хуурай» — «сухой».

Мне очень нравятся эти места. Одно время уважаемый барнаульский художник Владимир Федорович Добровольский часто ездил в Курай, потом его сын, скульптор Эдуард Владимирович, стал навещать в эти места с друзьями. Одну сопку с легкой руки Владимира Фёдоровича стали называть «Обсерватория». Мы любили туда подниматься.

В Курае стоит автоматчик — памятник участникам Второй мировой войны.

Глава 4

Курайская степь. Серпентиновая формация. Химический анализ доломитизированного известняка. Растительность. Переправа через Чую. Встреча с зайзанами Шурмеком и Монголом. Конические возвышенности из глинистого сланца. Антилопа сайга. Фитильное ружье. Употребление этого оружия на охоте. Прибыли, полученные от продажи некоторых животных. Лечебные свойства, приписываемые пантам марала и некоторым растениям. Сведения относительно района Сохок — Гобдо. Кварцевая порода. Химический анализ этой породы. Диоритовый порфир и миндалекаменный мелафир. Порфировый роговик. Известково-глинистый сланец. Интересное обнажение. Идеальный разрез. Горная цепь Сайлюгем. Ее геологический состав. Растительность. Исчезновение древесной растительности. Сиенитовый гранит Бурултайги. Верховья Чуи. Останки потонувших животных. Район верховьев Чуи — Чульшмана.

**Есть по Чуйскому тракту дорога,
Много ездит по ней шоферов.
Был один там отчаянный шофер,
Звали Колька его Снегирев.**

**Просто вспомнил местную песенку. Дорогой навеяло. Едешь, крутишь баранку,
поешь.**

«Курайская степь расстилается перед нами во всей своей мрачной и унылой оголенности. Снег, лежащий на горах, спускается до самой равнины — это было 8 июня, — искрясь ослепительно белыми пятнами, разбросанными вдоль реки Курай, по имени которой названо это обширное горное плато. Самое значительное возвышение его находится между речками Тайджелу и Тутугэм. Степь представляет собой довольно ровную поверхность длиной 20—25 километров и шириной 7—8 километров. На севере и юге она ограничивается горами. Вершины гор чаще всего плоские. Ничто на этом унылом плоскогорье не предвещает возвращения лучшего времени года. Даже прошлогодняя растительность еще не сменилась. Только кое-где виднеются различные виды лапчатки, сон-трава и касатики русские. Здесь я должен оговориться, что у меня не хватило времени осмотреть островки Чуи, где Бунге удалось собрать несколько редких растений.

Сама Курайская равнина образована мощными слоями осадочных отложений и валунами. Они происходят от соседних пород и покрыты тонким слоем чернозёма — условия, малоподходящие для земледелия даже в том случае, если бы климат благоприятствовал этому».

Пётр Александрович говорил, что он первопроходец и собирается в такие дали, что туда еще не ступала нога человека, а в Курайскую степь ступал Александр Андреевич Бунге (1803—1890), известный российский ботаник. Он был одним из первых исследователей, кто провёл масштабные ботанические изыскания на Алтае. По поручению Академии наук он совершил поездку в район реки Чуи. В ходе экспедиции было собрано 366 видов растений, из которых 27 были совершенно неизвестны науке. Список этих растений он опубликовал в 1836 году. Значит, Чихачев читал работу Бунге.

«С приближением к Тутугэму течение Чуи вновь становится быстрым. В небольшой роще сибирских лиственниц, окаймляющей берега Тутугэма, скопилось довольно много снега. Про-

мывки, сделанные мною в нескольких местах на этой реке, так же, как и у Курая, дали мало-удовлетворительные результаты. За ночь 8 июня, которую мы провели на берегах Тутугэма, температура воздуха так сильно упала, что утром термометр показывал —4,3° при полном безветрии и совершенно ясном небе».

На карте эта река называется Тьтдугем — правый приток Чуи перед входом в ущелье между Курайским и маленьким хребтиком Сухор. Там еще вполне мило, и не дует.

«Этот берег Чуи более лесистый. Однако местами прошлогодняя трава еще не сошла, и у редких лавролистных тополей только еще начинали набухать почки.

Совсем рядом с аномальным глинистым сланцем возвышается гора, по очертаниям чрезвычайно напоминающая вулканический конус. Большая часть её сложена тёмным серпентинитом. У подошвы горы расположено несколько других возвышений, также конусообразных и значительного размера. Они похожи на кратеры побочного извержения.

Вокруг центрального конуса находятся небольшие горы и холмы. Они, к сожалению, покрыты таким толстым почвенным слоем, что невозможно определить их внутреннее строение.

Мы следовали уже примерно час вдоль Чуи, окаймленной грядой закругленных гор. Их отделяет от реки широкий и низкий берег, покрытый вязким желтоватым песком, поверхность которого местами белеет в результате выветривания магнезии.

В этих местах Чуя разделяется на множество рукавов, образуя пустынные и иловатые островки, покрытые низкими высохшими деревьями. Река здесь становится еще более мутной — влияние вод Узун-Чеханэ, впадающей в этом месте в Чую и несущей громадное количество рыхлых, разрушившихся остатков».

Представляю, как Чихачев расспрашивал проводников или смотрел в карты, разбирая названия. Не Узун-Чеханэ, а Чеган-Узун. Чихачеву тоже любопытна топонимика, он пишет:

«Узун — монгольское искажение тюркского „су“ — „вода“; чехан — по-монгольски „белый“, то есть „белая вода“. А название „Чуя“ происходит от алтайского или, вернее, турецкого слова „чагатай“, „чуй“, что означает „мутный“, „тучный“. Вполне возможно, что и большая река Чуя также обязана своим названием этому слову».

Тут вдруг путешественник вспоминает о Чибите, который проехали в предыдущей главе, и сообщает:

«Чибит, называемый русскими, Красная гора. Форма горы также коническая, с легким наклоном с востока на запад, вызванным провалом на западном и утолщением на противоположном склоне.

Они окрашены в красный цвет окисью железа, благодаря чему вся гора кажется, как бы закутанной в красноватый плащ, что еще более усиливает то впечатление, которое производит её необычная коническая форма. Множество округлых холмов окрашено в самые разные цвета: красные, серые, голубоватые. Они группируются вокруг главного конуса Чибита и на небольшом расстоянии за пределами речки Теректу, которая, по-видимому, близко подходит к границе этой интересной формации. Очень примечательна гора».

Какая красная гора, какие русские — не понятно. В то время русских там почти не было. Но допустим.

«Прежде чем достичь того места, где нам предстояло переправиться через Чую, мы в течение шести часов продвигались по пустынной сухой степи. Ничто там не предвещало приближения лета, хотя было уже 9 июня. Жёлтые сухие стебли злаковых ожидали призыва к жизни и выглядели так, словно они только что с трудом избавились от зимнего савана. Почти совсем не было деревьев, если не считать нескольких низеньких верб, растущих среди пластов песка на берегах Чуи. Даже река в этих местах совершенно потеряла свой обычный вид: воды медленно текли почти на одном уровне с равниной; зато выше устья реки Чаганузун Чуя стала чистой и прозрачной. Единственное, что до некоторой степени оживляло эту пустынную и лишённую красок местность, — это множество уток, целыми стаями покрывавших озёра и лагуны, рассеянные вдоль всей реки. Эти птицы по большей части принадлежали к великолепной породе *Anas rutila*. Своим прекрасным желтоватым оперением и изящным складом они резко отличаются от европейских уток, которые по сравнению с ними кажутся вульгарными и жалкими».

***Anas rutila* — это устаревшее латинское название птицы, которую называют огарем (*Tadorna ferruginea*). Это достаточно крупная и яркая утка. Большая редкость. Знаю место в среднем течении Чулышмана, где живёт семейка огарей. Может, на Чуе до сих пор водится? Например, в Кош-Агаче прекрасно живут лебеди. Скоро мы доберёмся до этих мест.**

«Мы переправились через реку несколько выше устья Чаган-Бургазы. В этом районе глубина Чуи невелика, поэтому было довольно легко переходить реку вброд. Ширина её здесь — самое большое двести шагов. Добравшись до противоположного берега, мы прошли через небольшой лесок с тополями и вербами, у которых только начинали распускаться почки. Это было 9 июня. Вокруг было сыро; вода не просачивалась в почву и стояла небольшими озёрцами.

Следуя в западном направлении, примерно через полчаса мы достигли того, что в этом крае называется «русскими избами»».

Это Кош-Агач. Сейчас бы сказали — казахские могилки, потому что в окрестностях села есть несколько национальных кладбищ и они впечатляют путешественников.

«Это три-четыре небольших сарая, построенных купцами из Бийска, откуда они приезжают сюда два раза в год для меновой торговли с передовыми постами, находящимися на небольшом расстоянии от этих мест.

Когда подумаешь, что эта торговля, о которой я уже упоминал, ни одним из правительств не поддерживается никакой гарантией, способной дать торговому предприятию широкий размах и стабильность, нельзя не удивляться, как эти смелые спекулянты добровольно подвергают себя всем тяготам рискованного пути и доверяют свою жизнь волнам Катунь, часто не имея других способов передвижения, кроме нескольких сшитых вместе оленьих шкур. И все это предпринимается, чтобы перевезти небольшое количество товаров, которые с минуты на минуту одно из государств может объявить контрабандой. Вот как сильна жажда наживы, вот какова привлекательность спекуляций!»

Как в наше время выглядит Кош-Агач. Большое село, административный центр района. Это самый высокогорный и отдалённый район республики. На 2020 год в селе проживало около 9000 человек, райцентр расстраивается невероятно быстрыми темпами. Основное население — казахи и алтайцы примерно поровну, русских здесь мало.

Село находится в 465 километрах от Горно-Алтайска. Высота над уровнем моря почти 1800 метров, а расстояние до границы с Монголией около 60 километров. Это самый холодный район республики: зима длится более семи месяцев, абсолютный минимум температуры опускается до минус 62 градусов по Цельсию. При этом Кош-Агач — самое солнечное место в России. Осадков выпадает крайне мало, всего 120 миллиметров в год, что делает его самым засушливым местом в стране.

Экономика Кош-Агачского района — прежде всего животноводство, здесь разводят яков, баранов и коров. Есть месторождения кобальта и висмута, серебра, молибдена и вольфрама, а также лития, тантала и других редких металлов. Месторождений не разрабатываются из-за низкого качества руды.

Во многих путеводителях пишут о бийских купцах и чуть ли не мировом центре торговли с Китаем в Кош-Агаче. Но на самом деле торговля была началом колонизации. Так утверждал Николай Ядринцев в книге «Сибирь как колония», вышедшей в 1882 году. Ядринцев был главным идеологом сибирского областничества. Предлагал автономию Сибири от Российской империи. Чихачев и Ядринцев — люди разного поколения. Когда Пётр Александрович путешествовал по Алтаю в 1842 году, Ядринцев только родился. Послушаем Чихачева.

«Хотя эти жалкие лачуги без окон и дверей, заваленные досками и землей, не могли предоставить нам никаких удобств, мы не погнушались скромным убежищем и кое-как в нём устроились. Я предвидел, что придется переждать несколько дней, прежде чем продолжить путь. Несмотря на то, что оба зайзана, Шурмек и Монгол, были предупреждены властями Бийска о моем скором приезде, требовалось всё же некоторое время для отправки к ним гонца, приглашающего зайзанов прибыть в то место, где я основал свой «главный штаб». Встреча с ними была для меня необходима главным образом для того, чтобы получить некоторые сведения относительно истоков Чуи и Чулышмана. На следующий день они не замедлили явиться в лагерь и предстали передо мной в сопровождении нескольких димиджисов и «бошко».

Оба зайзана, Шурмек и Монгол, были главными вождями всех облагаемых «двойной податью» алтайцев, живущих в небольших долинах Чуи, Чулышмана и Башкауса. Кроме права назначать второстепенных чиновников (димиджи, бошко, шуленга) в руках зайзанов сосредоточена почти вся административная и судебная власть, и они только в редких случаях прибегают к посредничеству высшего начальства. Последнее довольствуется тем, что взимает установленный налог (состоящий из пушнины), совершенно отстраняясь от какого-либо контроля или вмешательства, что, впрочем, вполне согласуется с безобидным характером и простыми нравами этих кочевых народов. Несмотря на почти неограниченную власть, князья или зайзаны очень мало отличаются от своих подданных внешним видом и образом жизни. Более затейливый головной убор и более элегантная одежда, менее грязная и более нарядная юрта, многочисленные стада — вот приблизительно и все преимущества зайзанов. Их юрты также покрыты войлоком и звериными шкурами, им также не знакомо употребление хлеба, и они также питаются исключительно мясом».

Обратите внимание на «двойная подать алтайцев». То есть двойной налог. Этих несчастных называли двоеданцы. Это историческое название коренных жителей юго-восточного Алтая, которые в восемнадцатом—девятнадцатом веках оказа-

лись в зависимости от двух государств — России и Китая (империи Цин) и были обязаны платить дань (ясак) в обе империи. В первую очередь статус двоеданцев был характерен для теленгитов, одной из этнических групп алтайцев. Их кочевья находились в бассейне рек Чуя, Чулышман, Аргут и Башкаус. До 1865 года эти земли в русских документах именовались Первой и Второй Чуйскими волостями. Феномен двоеданства складывался исторически. Со второй половины восемнадцатого века, войска Цинской империи вторглись на Алтай и разгромили Джунгарское ханство, после чего часть местных князей, не сумев защититься, стала платить дань Китаю, и двоеданство трансформировалось в зависимость от России и Цинского Китая.

Китайские чиновники в одностороннем порядке объявили Чуйские волости своими владениями, но Россия также считала эти территории своей сферой влияния, и в результате население платило подати обоим государствам. Статус двоеданцев просуществовал до сентября 1864 года. Был подписан Чугучакский протокол между Россией и Китаем, окончательно закрепивший юго-восточный Алтай за Российской империей. Таким образом, двоеданство было вынужденной формой сосуществования алтайских племён между двумя крупными державами, которое завершилось окончательным определением государственных границ в регионе.

А теперь послушайте поучительную сказку. Я же экскурсовод.

На Алтае жила летучая мышь. Зверь не зверь, птица не птица, в худой шубейке и с кожаными крыльями.

Однажды она встретилась с чиновником, собиравшим дань с птиц.

«Летучая мышь, ты знаешь, что с тех пор, как ты не платила дань орлу, прошло много времени, теперь же заплати».

Но летучая мышь никому не платила дань. Услышав такой разговор, она удивилась.

«О какой дани вы говорите?» — спросила она.

Чиновник, увидев растерянность летучей мыши, прищурил узкие глаза и, брызжа слюной, изо всех сил заорал: «Орёл велел собрать дань с птиц всей земли, он издал указ о том, что кто откажется платить дань, того бить и забирать все, от домашнего скарба до жены, вместо дани. Вот такую бумагу написал».

Но летучая мышь потупилась, сердце её застучало.

«Но я ведь не птица», — так сказав, она сжалась в маленький комочек и побежала по траве.

Тогда чиновнику показалось, что она действительно похожа на зверя, чем на птицу. И он подумал: «Тьфу, не могу отличить зверя от птицы», — сел на мерена и, не оглядываясь, уехал.

Но вскоре к ней приехал чиновник зверей и сказал: «Ну, когда ты заплатишь дань льву?»

«Я ничего у него не брала, в долгу не оставалась», — так сказав, летучая мышь.

Услышав такую речь, чиновник сильно заругался: «Я тебе покажу, как отпираться! Не притворяйся глупой. Все звери платят дань. И тебе придется заплатить».

Летучая мышь не смогла сдержать свой смех: «Я ведь не зверь, а крылатая птица».

«Ты почему меня испытываешь? Сдеру шкуру с твоей спины», — так сказав, разгневался чиновник и замахнулся плеткой на летучую мышь, чтобы ударить.

Сидевшая на пне летучая мышь вспорхнула вверх. Чиновник очень удивился.

«Никогда не видел, чтобы звери летали», — так подумал.

От нашей налоговой так просто не улетишь и в кусты не сбежишь.

«Картина нравов и образа жизни „куэмни“ („королей“) Узуннов, которую нам оставили летописи девятивековой давности, в точности иллюстрирует быт и нравы самого влиятельного алтайского зайзана наших дней. Так, если бы и в наши дни нашли нужным удостоить такого зайзана брачным союзом с чужеземной принцессой, то нет никакого сомнения, что, как и встарь, выданная замуж за зайзана красавица излила бы всю свою скорбь и боль измученной души в печальной элегии. Она бы молила богов дать ей крылья, чтобы, подобно птице, улететь из жалкой войлочной палатки своего царственного супруга и навсегда покинуть этих варваров, пища которых состоит лишь из мяса, а питье — из молока».

В этом эпизоде Чихачев, скорее всего, упоминает 5-й том фундаментального труда Карла Риттера (1779—1859) — «Землеведение Азии». Конечно, в то время Алтай был глубоко в средневековье, если сравнивать с Европой.

«Как обычно, прием зайзанов начался с того, что им поднесли несколько стаканов водки. К ним я прибавил куски красного сукна, но впечатление от этих подарков, которым алтайцы обычно придают большое значение, было притуплено действием живительной влаги, которое они уже начали ощущать. Почитаемые вожди, не боясь потерять авторитет перед своими подчиненными, едва держались на ногах и только что не валялись по земле вместе с ними. Из уважения к их званию и, главное, в интересах своего собственного спокойствия я велел убрать все бутылки и стаканы. Затем приказал этим господам вернуться немедленно в свои юрты и явиться ко мне только на следующий день. Их с грехом пополам водрузили на лошадей, и они умчались галопом, хотя никто из всадников не мог как следует держаться в седле. На следующий день, желая добиться нужного результата от свидания с зайзанами, я несколько изменил церемониал приема. В начале «конференции» водка отсутствовала, появившись только к концу её.

К сожалению, зайзаны сообщили очень мало нужных сведений относительно верховьев Чуи и Чулышмана, но обещали сыскать и прислать старого опытного охотника, известного своими длительными и полными опасностей странствованиями в этих местах. Однако обещание это они дали лишь после решительных требований с моей стороны, ибо эти народы (как вообще все народы Востока) всегда с большим недоверием и подозрительностью следят за действиями чужестранцев, исследующих их край. Если им не удастся внушить пришельцу отвращение к этому предприятию, то на все его расспросы о местности они отделяются притворным её незнанием или преувеличенными рассказами о бесчисленных опасностях и непреодолимых препятствиях, которые-де ожидают чужеземца. Я отверг их аргументы и прибавил несколько суждений о моих казаках, что подействовало на зайзанов гораздо сильнее, чем все мои подарки и ласки».

Не думаю, что зайсаны испугались казаков, это явно хитрость или непонимание путешественником политической ситуации. Коротко расскажу, как случилось добровольное вхождение Алтая в состав России.

Это сложная тема. В этом трудном геополитическом вопросе можно застрять и угодить в список сепаратистов.

Дело в том, что последнее время часто говорят о сакральности Алтая. Вот только в каких границах? Есть понятие «Большой Алтай» — и тогда сакрально всё: и часть современного Китая, Монголии Казахстана, и Алтайского края. Но мы говорим о так называемом Горном Алтае. А он — часть России уже 270 лет или как?

Присоединение Горного Алтая к России произошло в 1756 году и стало результатом добровольного решения алтайских зайсанов (племенных правителей). Это событие было обусловлено сложной политической ситуацией.

В середине XVIII века в Центральной Азии происходили масштабные события. Джунгарское ханство, контролировавшее значительные территории, включая часть Горного Алтая, было разгромлено Китаем в 1755 году.

Ханство существовало в XVII—XVIII веках и занимало обширные территории. Его границы простирались от Тибета и Китая на юге до Сибири на севере, от Урала и Хивинского, а также Бухарского ханств на западе до Халха-Монголии на востоке. В состав ханства входили озеро Балхаш, горы Тянь-Шань и Алтай, а также верховья Оби, Иртыша и Енисея.

Алтайцы были частью Джунгарии и оказывали сопротивление китайской военщине. Но силы были неравны, и зайсаны алтайских родов решили обратиться к России с просьбой о принятии в подданство.

2 мая 1756 года императрица Елизавета Петровна подписала указ о добровольном вхождении алтайского народа в состав России. К началу лета 1757 года в российское подданство было принято 7011 человек.

Казалось бы, счастливый конец, но не всё так просто. Окончательно Китай отказался от территориальных притязаний только в 1864 году. Процесс вхождения Алтая в состав Российской империи завершился в 1864—1865 годах, когда два теленгитских отока (Первая Чуйская волость и Вторая Чуйская волость) официально вошли в состав России. То есть только через 100 лет.

Но в то же время в другой части сегодняшней Республики Алтай были совсем иные события.

С чего всё началось.

Хронологическая таблица П. А. Уманского (телеуты и русские в XVII—XVIII вв.)

1598 — Первое упоминание о телеутах в русском документе.

1604 — Основание Томска.

1609 — Клятва телеутского князя Абака царю в Томске (заключение телеутско-русского союза).

1618 — Сооружение Кузнецкого острога.

1628—1630 — Восстания ясашных племён и народов Юго-Западной Сибири.

1632 — Поход Ф. Пущина вверх по Оби.

1633 — Первый поход П. Сабанского на Телецкое озеро.

1642 — Второй поход Н. Сабанского против телесов на Телецкое озеро.

1645 — Присяга представителей князя Коки джунгарскому хану.

1649 — Клятва князя Мачика русскому царю.

1653—1658 — Смута в Джунгарии.

1722—1724 — Заключение предварительного соглашения о мире и союзе.

1756—1758 — Джунгаро-китайская война. Массовый переход южных алтайцев в подданство русского государства.

Русско-алтайский период в истории современной Республики Алтай начинается в XVII веке на территории бассейнов Верхней Бии и Телецкого озера. Сначала томские казаки в 1618 году проникли в Горную Шорию и постепенно продвигались к Верхней Бие и на Телецкое озеро.

В 1625—1626 годах были обложены ясаком челканцы-лебединцы — это территории современного Турачакского района.

В 1627 году кузнецкий атаман Пётр Дорофеев с отрядом пробился к тубаларам (примерно в современную деревню Кебезень), но обложить данью тубаларов не смог.

Зимой 1633 года на Телецкое озеро прошёл отряд во главе с боярским сыном Петром Сабанским. Учёные считают, что он назвал озеро Телесским по имени племени телесов, обитавших на берегах, хотя местные называли озеро Алтын-кёль, а джунгары — Алтын-нор («Золотое озеро»).

О первых стычках русских с местным населением написано в книге А. П. Уманского «Телеуты и русские в XVII—XVIII вв.».

Всю эту территорию русские называли «Телеутской землицей». До 30-х годов XVII века она составляла единый Большой улус, руководимый князем Абаком.

В 1632 году томские воеводы организуют экспедицию на реку Бию с целью строительства острога и подчинения всего правобережья Оби. Походом руководил Фёдор Пушин. Отряд в составе 60 человек вышел из Томска сначала вниз по Томи, а затем против течения по Оби.

12 августа отряд пересек телеутскую границу — устье реки Ини. А 21 августа в районе современного г. Камня-на-Оби Пушина поджидали парламентёры телеутского князя Абака. Они заявили: «Для чего воеводы посылают в мою землю остроги ставить, если я никакого задору государевыми людьми не чинил и никакие де перед государем измены моей не бывало». Пушин не принял протест и 31 августа достиг устья Чумыша.

Здесь начинается самая интересная часть истории.

В «Отписке Фёдора Пушина томским воеводам» о бое на р. Чумыш с людьми Абака и возвращении он пишет: «И послыша Абак, что идут государевы люди вверх по Обе реке („на Бию реку острогу ставить“) и умысля своим воровством, не хотя государевых людей пропустить, собрався с велики люди с горными калмыками и с царевичем с Кересм, с орчаки и с барабинцы, и сентября в 3 день выше Чумыша реки пришел сын ево Абаков Кока с лучей ево улуской мужик Изекбей войною, не хотя нас пропустить, и с нами бился, и служилых людей переранил. И я, государь, стоял на месте 5 дней и с ними бился по вся дни, и мне, государь, стоять невозможно, твоих служилых людей мало, а люди стоят по обе стороны великие, не дадут к берегу...» Далее он правдиво сообщает о побеге толмача, продолжая письмо: «...и я, государь, воротился в Томский город, потому что людям не в силу прилегли орды многие...»

Как оказалось, Пушин выдумал бой. Эту историю повторили многие историки. Но Уманский считает её фальсификацией.

Предположительно, после устья Чумыша телеуты обстреляли передний дощаник, на котором шёл Пушин; в нос и борта судна вонзилось около 20 стрел. Выстрел из пищали обратил противника в бегство. Около 30 стрельцов высадились на берег, но никого не нашли. Караван продолжил путь; на кромке бора стрельцы увидели около 20 всадников. Караван встал на якорь. Состоялись переговоры, которые ничего не дали. Учтя неблагоприятные обстоятельства, Пушин повернул назад.

Пользуясь некоторыми ориентирами, можно установить место стычки и переговоров телеутов с русскими — это сухие лога между Касмалой и Гоньбой, излучина Оби выше с. Гоньба — Повалихинский бор недалеко от современного города Барнаула.

На следующий год, в феврале 1633, через Кузнецк на лыжах был направлен отряд Сабанского. Он добрался до Телецкого озера, разбил телесов, обложил их данью, но закрепиться не смог и ушёл.

В 1642 году Сабанский совершил новый поход. Опять разбив телесов, он пытался найти место для строительства острога. Но, перезимовав во временном укреплении на берегу озера, весной 1643 года вернулся и предложил построить

острог на Бии, в устье реки Лебедь. Но укрепление на Бии появилось только в 1709 году, когда по указу Петра I был построен Бикатунский острог, ныне город Бийск.

В первый приход на озеро русские, скорее всего, вышли на реку Бию и вдоль неё прошли в Артыбаш и, возможно, дошли до п. Яйлю, обложив ясаком кезенских, артыбашских и яйлинских алтайцев.

Увидев озеро незамёрзшим, Сабанский приступил к строительству баркасов. Один отряд в составе 80 человек во главе с атаманом Дорофеевым отправляется к телесам берегом по горной тайге. Берега Телецкого озера обрывисты и непроходимы. Пройти можно от реки Кокши до устья Чулышмана — это около 35 км. Но от Яйлю до Кокши можно пройти только через хребет Корбу — более 30 км. В долину Чулышмана можно пройти по горам западного побережья — примерно 60 км.

По пути отряд Дорофеева или Сабанского должен был объясачить телесов в Чулыше (там было около 20 айлов) и в Беле (примерно столько же). Скорее всего, главной целью Сабанского было — завоевать телесов южного побережья Телецкого озера и долины Чулышмана.

Вот как описаны оба похода П. Сабанского на Телецкое озеро в «Истории Сибири» В. К. Андреевича (1889 г.): «П. Сабанский дошел до вершины р. Бии и назвал озеро, из которого она берет начало, по имени татарского рода, там проживавшего — Телесским, хотя по-калмыцки оно называлось Алтын-нор (Золотое озеро).

Телесский князец Мандрак думал было сопротивляться, но, разбитый, бежал, оставив победителю свою жену, сына Айдара и невестку, которые приведены в Томск в качестве пленных.

На следующий год Мандрак прибыл в Томск, обязался уплачивать ясак по 10 соболей с человека и, получив семью назад, вернулся к себе с твёрдым намерением нарушить присягу и девять лет не давал ясака.

В 1642 году Пётр Сабанский с томскими и кузнецкими казаками снова предпринял поход против телесов, в половине зимы, надеясь застать озеро замёрзшим, но ошибся в расчётах, и, подойдя к Алтын-нору, должен был приступить к постройке судов, и, стало быть, о нечаянном нападении нечего было и думать. Между тем Мандрак укрепился за озером. Построив суда, Сабанский отрядил под начальством атамана кузнецких казаков Петра Дорофеева 60 человек казаков и татар для обхода озера сухим путём, с остальными людьми поплыл через озеро.

Мандрак задумал разбить обходную колонну, но потерпел поражение и попался в плен. Сын же его Айдар прочно держался в крепости, но, на беду для себя, задумал произвести ночное нападение на русский отряд; когда на двенадцатый день осады к нему подошло подкрепление, он был взят в плен при самом начале дела, и телесы разбежались.

После разгрома телесов Сабанский перешёл на другой берег озера и поставил там небольшой острог, в котором оставался на зимовку. Поставить настоящий прочный острог, как ему было приказано, он не решился, потому что почва была камениста и не находилось места, удобного для постановки русского селения, и предложил выстроить острог при впадении в Бию р. Лебедя, на что, однако, не последовало согласия воеводы.

Телесы уплачивали ясак до самой смерти князя Мандрака, оставленного атаманом в городе Томске, и в 1645 году отказались платить вновь, что вызвало новую экспедицию к ним под начальством сына воеводы Бориса Зубова. Хотя он и разбил телесов в 1646 году, но это мало помогло делу, потому что сын Мандрака Айдар уклонялся от уплаты постоянно, а в 1652 году и совсем отказался.

Посланный в 1653 году для наказания телесов атаман Пётр Дорофеев их не нашёл на местах, и вслед за сим они стали уплачивать дань джунгарским калмыкам, давая в русскую казну только подарки, а именно 60 соболей с 300 семейств, т. е. едва 50-ю долю прежнего ясака».

Обратите внимание: к 1653 году, когда на Телецкое озеро пришла экспедиция для сбора ясака, местность оказалась безлюдной. Они вернулись на озеро только после разгрома Джунгарского ханства Китайской империей в 1755 году. То есть на берегу Телецкого 100 лет никто не жил? Не может быть.

Но вот что известно. В 1745 году по указу Сената для обследования северо-восточного Алтая, Телецкого озера, рек Чулышман и Башкаус направляется экспедиция в составе 96 человек под руководством бывшего демидовского рудознатца Петра Шелегина. На берег Телецкого озера прибыли 20 мая, где обнаружили с десятка юрт местных «кержешских татар», плативших по 2 соболя с человека русскому царю.

25 мая экспедиция разделилась на два отряда: один на построенных тут же лодках отправился по озеру, а второй на лошадях пошёл к Чулышману горами, примыкающими к озеру с запада. Уже 30 мая отряд вышел в долину Чулышмана. Отряд, передвигавшийся по озеру, потерял 6 ботов, разбившихся об отвесные скалы, и подмочил весь запас провианта.

Утопить 6 лодок — это какая-то удивительная глупость. Нужно быть слепым, чтобы не увидеть шторм на Телецком и не спрятаться. Я ходил по озеру с юга на север и обратно на гребных и парусных лодках, знаю, о чём говорю.

Всё же они выплыли, и в долине Чулышмана экспедиция обнаружила около трёх десятков телеутских юрт. Без препятствий дошла почти до верховьев Башкауса. 10 июня большой вооружённый отряд джунгаров вынудил экспедицию возвратиться на Телецкое озеро, и 30 июня она прибыла в деревню Новиково Бикатунской крепости.

В этом месте тоже есть нестыковка: дойти до верховьев Башкауса из долины Чулышмана непросто — пути вдоль Башкауса нет.

Все эти документы вызывают много вопросов. История — дело запутанное.

Я всего лишь хотел написать, что всё было — не всегда по любви, но в итоге — добровольно. Были и стычки, и обманные рапорты, и утонувшие лодки, и «князьцы», которые сначала клялись, а потом девять лет не платили ясак. Был долгий, мучительный, противоречивый процесс.

Оглядываясь на 270 лет, хочу сказать: Алтай — неотъемлемая часть России. Те, кто не согласен с этим, пусть внимательно перечитают джунгарскую историю — что было бы с алтайским народом, если бы в 1756 году он остался один на один с империей Цин? Стали бы китайцами.

История присоединения Алтая — это история долгого, драматичного, но в конечном счёте обоюдного выбора.

И того в 1842 году зайсаны Чуйской волости могли тактично показать Чихачеву направление и умыть на этом руки. Видимо, это они и сделали, выпив водки и получив подарки. Чихачев это понимает и пишет:

«Я не обманывал себя: мне предстояло чрезвычайно трудное путешествие в пустынные места для исследования верховьев Чуи и Чулышмана. Поэтому необходимо было иметь достаточное количество лошадей, чтобы выдержать все тяготы длинных переходов и перевезти по крайней мере месячный запас продовольствия. Дело в том, что после исследования верховьев двух названных выше рек я намеревался отправиться на поиски истоков Абакана. Мне пред-

стояло пересечь настоящую *terra incognita*, размеры которой я еще не мог определить и по которой до сих пор не ступала нога не только европейца, но, возможно, и человека вообще».

Чихачев не первый исследователь Алтая, и до него были научные экспедиции.

Первым исследованием Сибири стало путешествие Даниила Готлиба Мессершмидта в 1719—1727 годах, который дал комплексное описание географии, природы, народов и древностей огромного региона.

В 1734—1735 годах участники Великой Северной экспедиции Иоганн Георг Гмелин (ботаник) и Герхард Фридрих Миллер (историк) путешествовали по югу Западной Сибири, собирая ценные ботанические, этнографические и исторические сведения.

В рамках масштабной академической экспедиции Пётр Симон Паллас в 1771 году специально исследовал Алтайские горы, обратив внимание на древние «чудские» копи, а Иоганн Фальк путешествовал по югу Западной Сибири, составляя топографические описания.

В 1786—1790-х годах Пётр Иванович Шангин, один из первых российских исследователей, возглавил крупную экспедицию по Западному Алтаю, впервые изобразил на картах горные хребты и бассейны рек Чарыша и Катунь.

В 1790—1795 годах Иоганн Сиверс, путешествуя по Сибири, посетил Алтай и Киргизские степи, проводил ботанические и географические наблюдения.

В первой половине XIX века научные исследования продолжились. В 1826 году экспедиция из Дерптского (Тартуского) университета в составе Карла Фридриха Ледебура, Александра Андреевича Бунге и Карла Мейера дала фундаментальное описание алтайской флоры.

В 1829 году знаменитая экспедиция Александра фон Гумбольдта вместе с Христианом Эренбергом и Густавом Розе посетила Алтай, собрав обширные материалы по геологии, минералогии и географии.

В 1833—1835 годах барнаульский врач Фридрих Вильгельм Геблер предпринял несколько поездок на южный склон Алтая, исследовал Катунские Альпы (район Белухи), открыл одноимённый ледник и собрал богатейшие коллекции для Барнаульского горного музея.

В 1834—1836 годах геолог Григорий Петрович Гельмерсен, исследовавший Алтай, подробно изучил берега Телецкого озера и течение реки Бии. Но верховье Абакана первым нанёс на карту Пётр Чихачев. Тут он прав: не ступала туда нога европейского учёного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.